

NORDREGIO
Nordic Centre for Spatial Development

СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ГЕНДЕРНЫЕ ПОДХОДЫ В УРБАНИСТИКЕ

АВТОРЫ (В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ):

АСЛЫ ТЕПЕДЖИК ДИШ, КРИСТИАН ДИМЕН, МИТ-
ЧЕЛЛ РИРДОН И ТИМОТИ АНДЕРСОН

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

2014

RAOUL WALLENBERG INSTITUTE

OF HUMAN RIGHTS AND HUMANITARIAN LAW

Подготовка этой публикации организована Институтом прав человека и гуманитарного права им. Рауля Валленберга в рамках академического сотрудничества с Белорусским государственным университетом и другими учреждениями высшего образования Республики Беларусь при финансовой поддержке правительства Швеции в лице Шведского агентства по международному развитию (Sida). Выказанное в настоящей публикации мнение может не совпадать с точкой зрения Института или Sida.

Данная публикация была разработана для преподавателей Белорусского национального технического университета и преподавателей других университетов Республики Беларусь, которые готовят будущих архитекторов и градостроителей. Данные рекомендации призваны помочь преподавателям в определении теоретической основы, методов обучения и справочных материалов по вопросам взаимодействия между социальными, гендерными вопросами и вопросами городского планирования, подчеркивая их значимость и важность в создании более привлекательных, открытых и доступных городов.

Этот документ включает оригинал текста на английском языке и его перевод на русский язык.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ	5
1.1. Предпосылки и контекст данного исследования. Проблема гендерно-нейтральной городской среды и ее значение для архитекторов и градостроителей	5
1.2. Подход к рекомендациям	5
1.3. Контекст градоформирования в Беларуси	6
1.4. Некоторые из международных стандартов в области прав человека и гендерного равенства, релевантные в градостроительстве	7
1.5. Справочные материалы к введению	8
2. ТЕОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ	8
2.1. Взгляд на городское планирование через призму гендерного подхода и интерсекциональности	8
2.2. Гендер и городское планирование	9
2.3. Пример рамок для исследования формирования планов и процессов городского планирования под влиянием таких факторов, как пол, этническая принадлежность, класс и т.д.	10
2.4. Гендерные рамки	11
2.5. Интерсекциональность	13
2.6. Справочные материалы к разделу по теории архитектуры	14
2.7. Дополнительные примеры публикаций и руководств по включению гендерного подхода в процесс планирования	15
3. АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ	16
3.1. Теоретическое введение и актуальные вопросы	16
3.2. Методика обучения и примеры	18
3.2.1 <i>Планирование с учетом гендерного подхода в жилых районах</i>	18
3.2.2 <i>Промышленный дизайн и рабочая среда</i>	20
3.2.3 <i>Различный опыт в отношении зеленых насаждений и городских ландшафтов</i>	21
3.3. Дополнительные материалы:	23
3.4. Справочные материалы к разделу архитектурное проектирование	24
4. СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ	25
4.1. Теоретическое введение и актуальные вопросы	25
4.2. Методика обучения и примеры	27
4.2.1 <i>Джентрификация</i>	27
4.2.2 <i>Справедливое территориальное планирование и участие</i>	30
4.2.3 <i>Как используются разработанные пространства? Кто их использует?</i>	32

4.3	Дополнительные материалы	35
4.4	Справочные материалы к разделу по социальным основам архитектурного проектирования	37

Список иллюстраций

Иллюстрация 1.	Пешеходные дорожки в Реджайне (Канада)	20
Иллюстрация 2.	Широкие бульвары в Минске	20
Иллюстрация 3.	Подземный пешеходный переход в Монреале (Канада)	22
Иллюстрация 4.	Подземный переход в Минске	23
Иллюстрация 5.	Пример джентрификации в Торонто	30

Список таблиц

Таблица 1.	Мужские и женские ценности и перспективы в процессах планирования	12
------------	---	----

Список вставок

Вставка 1:	Уплотнение Стокгольма: перспектива сверху-вниз?	14
Вставка 2:	Теория на практике: Редферн	33
Вставка 3:	Теория на практике: Ист-Сент-Луис	34

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Предпосылки и контекст данного исследования. Проблема гендерно-нейтральной городской среды и ее значение для архитекторов и градостроителей

Институт прав человека и гуманитарного права имени Рауля Валленберга (ИРВ) участвует в академическом сотрудничестве с Белорусским государственным университетом (а именно, Факультетом международных отношений и Юридическим факультетом), Белорусским государственным экономическим университетом (БГЭУ) и Белорусским национальным техническим университетом (БНТУ).

Интеграция гендерных исследований и системы архитектурного и градостроительного проектирования [*в учебный процесс*] с учетом взаимосвязи между процессом проектирования и вопросами прав человека было признано важным в ИРВ. В связи с этим, ИРВ в сотрудничестве с БНТУ поручили «Нордрегио» (Северный центр пространственного развития) представить рекомендации относительно включения вопросов права человека и гендерных аспектов в области архитектуры и градостроительства в конкретные курсы, преподаваемые на Архитектурном факультете БНТУ. На основе краткого обсуждения с преподавателями БНТУ, Нордрегио подробно остановился на наиболее актуальных моментах в отношении включения вопросов прав человека и гендерных аспектов в процесс архитектурно-пространственного проектирования в рамках курсов: теория архитектуры, архитектурное проектирование, социальные основы архитектурного проектирования.

Данные рекомендации призваны помочь преподавателям БНТУ в определении теоретической основы, методов обучения и справочных материалов по вопросам взаимодействия между правами человека, гендерными вопросами и вопросами городского планирования, подчеркивая их значимость и важность в создании более привлекательных, открытых и доступных городов.

Разработка учебных программ и курсов по вопросам формирования городской среды, отличающейся инклюзивным характером и уважением прав всех людей жить, работать и передвигаться в них без препятствий или ограничений, имеет существенное значение для создания социально, экологически и экономически устойчивой городской среды. Поэтому цель этих рекомендаций заключается в привлечении внимания к важности включения вопросов прав человека в процесс архитектурного и градостроительного проектирования, более конкретно, в повышении интереса к дальнейшему изучению гендерного подхода в отношении прав человека и городского развития.

1.2 Подход к рекомендациям

В этом исследовании, мы структурировали наши рекомендации по самым важным вопросам прав человека, имеющим значение для каждого курса. Сначала мы провели базовое исследование контекста градоформирования в Беларуси на основе имеющейся новейшей англоязычной литературы. Это базовое исследование заложило основы для понимания истории развития городов Беларуси. Исходя из результатов этого базового исследования и международного дискурса, посвященного взаимодействию прав человека, гендерных вопросов и городского планиро-

вания, мы определили примеры, ситуации для анализа и другие соответствующие актуальные материалы для использования преподавателями в качестве основы преподавания соответствующих курсов. Данное исследование призвано было стать исчерпывающим по существу темы - однако, из-за нехватки времени, оно ограничилось наиболее актуальными проблемами, описанными в литературе.

Что касается нашего подхода к рекомендациям для каждого курса, то структура [изложения] включает в себя введение в предмет, который раскрывается на основе международного дискурса о наиболее актуальных вопросах, имеющих отношение к соответствующему курсу учебной программы подготовки студентов в области архитектуры и градостроительства. Затем представлены ключевые идеи для использования в качестве методов обучения с примерами из литературы. В заключительном разделе, приводятся справочные материалы для дальнейшего чтения.

1.3 Контекст градоформирования в Беларуси

Диссертация Анны Кравец (2014) хорошо иллюстрирует то, как на протяжении XX века происходило архитектурно-пространственное развитие в Минске. После доминирования в сталинское время советского реализма (широкие площади, импозантные государственные здания, памятники советским деятелям), архитектурная практика в дальнейшем все в большей степени ориентировалась на создание плотно застроенных, недорогих жилых районов, в которых можно было бы эффективно расселить жителей города. Общественные пространства также разрабатывались в генеральном плане города и играли важную роль в жилых районах, особенно во времена Хрущева.

Функциональные панельные многоэтажки, с которыми больше всего и ассоциируется Советский Союз, действительно доминировали в белорусской архитектуре и планировании. Эти микрорайоны обладают многими качествами (высокая плотность, надежная система общественного транспорта, четкие границы городской территории), которые считаются желательными для устойчивого городского развития сегодня (Hirt & Stanilov 2009, 44). В этой связи шведский посол в Беларуси Стефан Эрикссон отметил: «Беларусь, пожалуй, единственная бывшая советская республика, которая сохраняет и поддерживает советские традиции городского планирования и строительства» (Färgfabriken 2011, 18).

Но в Минске отмечается и нехватка социального жилья. Государственная поддержка жилищного строительства из года в год сокращается, и в настоящее время более 87% жилья в Минске находится в частной собственности (Belarus in Focus: <http://belarusinfocus.info/p/5913>). Несмотря на это, 90% жилья по-прежнему строится государством (даже если оно не находится в государственной собственности) (Färgfabriken 2011, 59). Вадим Дражин, член Совета Белорусского союза архитекторов, отмечает, что между государством и частным рынком продолжает сохраняться значительный разрыв, что приводит к ситуациям, когда в новых микрорайонах оказывается недостаточно развита «сфера услуг и социальная инфраструктура» (Färgfabriken 2011, 59).

В целом, Беларусь является страной, которая сохранила высокую степень централизации и продолжает придерживаться политики планирования и архитектурной практики позднесоветского типа.

1.4 Некоторые из международных стандартов в области прав человека и гендерного равенства, релевантные в градостроительстве

Хотя трудно найти «определенные» или непротиворечивые стандарты в области прав человека, но двумя из наиболее часто цитируемых документов в области прав человека являются Всеобщая декларация прав человека ООН (ВДПЧ) 1948 года и Европейская конвенция по правам человека (ЕКПЧ) 1950 года. Они могут применяться и при проектировании, и в отношении уже построенной среды по целому ряду аспектов.

Соответствующие международные стандарты в области прав человека: *(согласно ВДПЧ, статья 25) “(1) Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам.”*

Согласно Европейской комиссии (2014): *«На международном уровне равенство прав мужчин и женщин на основе принципов недискриминации и равенства провозглашается двумя пактами ООН 1966 г., и защищено в частности, Конвенцией Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года. И Организация Объединенных Наций, и Совет Европы предпринимают немало шагов для ликвидации дискриминации в отношении женщин, улучшения условий для женщин и для обеспечения равенства между мужчинами и женщинами. Принцип недискриминации по признаку пола, который содержится во всех текстах по защите прав человека, закреплен в Статье 21 Устава.*

Равенство между мужчинами и женщинами в областях, связанных с трудом, было предусмотрено уже на самых ранних этапах на уровне Сообщества, в том числе: равная оплата труда, равенство в доступе к работе, равные условия труда и т.д. Статья 23 прямо подтверждает эти принципы (раздел 1), но стремится к равенству между мужчинами и женщины «в любых обстоятельствах», и также основывается на положениях договора, которые устанавливают принцип поощрения равенства между мужчинами и женщинами в качестве общей цели Европейского сообщества. Раздел 2 разрешает отступление от принципа равенства в случае принятия мер «позитивной дискриминации»». (Европейская комиссия, 2014)

В качестве релевантных вопросов прав человека можно выделить занятость, равенство, безопасность, права женщин, свободу передвижения, свободу выражения мнений.

Здания, архитектура, дизайн и доступ к общественному транспорту самым базовым образом влияют на имеющиеся у жителей возможности передвижения, доступа к услугам, получения работы, ощущения себя в безопасности, самовыражения, ведения частной жизни, и вообще создания качественных условия для жизни. Усовершенствование дизайна и расположения зданий, улучшения в городском общественном и зеленом пространстве, общественном транспорте, вокзалах и освещении будут способствовать тому, чтобы люди почувствовали себя в безопасности, а также будут содействовать достижению более устойчивой и инклюзивной мобильности.

Сейчас мы подробнее остановимся на вышеобозначенных релевантных правах человека и гендерных вопросах в отношении городского планирования в рамках следующих курсов: теория архитектуры, архитектурное проектирование, социальные основы архитектурного проектирования.

1.5 Справочные материалы к введению

Natalya Barykina (2008) Architecture and Spatial Practices in Post-Communist Minsk: Urban Space under Authoritarian Control. *spacesofidentity* 8.2 (2008).

European Commission (1950, retrieved 2014) 'European Convention on Human Rights.' Available at: <http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf>. More information also available at: <http://europa.eu/pol/rights/index_en.htm>.

Färgfabriken (2011) *New Urban Typologies: The Chisinau and Minsk Experience*. Available at: <<http://www.fargfabriken.se/en/component/k2/item/804>>.

Hirt, S., & Stanilov, K. (2009) Revisiting urban planning in the transitional countries. *Unpublished regional study prepared for the Global Report on Human Settlements*.

Kravec, A. (2014) 'Mass Customization: A New Approach in Sustainable Residential Development'. Uppsala, Sweden. Master degree project. Available at: <http://issuu.com/annakravec/docs/anna_kravec_booklet>.

Организация Объединенных Наций (1948, просмотрено в 2014 г.) 'Всеобщая декларация прав человека'. Доступно: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml>.

2. ТЕОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

2.1 Взгляд на городское планирование через призму гендерного подхода и интерсекциональности

Включение *гендерной и интерсекциональной перспективы* в курс «Теория архитектуры» может способствовать достижению следующих целей: «Привить студентам постоянную потребность в теоретической концептуализации любых мероприятий, связанных с формированием среды обитания человека, и показать студентам, как использовать полученные знания для оценки социальной ценности любых уже построенных архитектурных сооружений или тех, которые еще только проектируются: зданий, сооружений или объектов городского планирования и ландшафтной архитектуры».

При условии учета *опыта* женщин и мужчин с различными жизненными путями, городская среда потенциально может быть лучше адаптирована в соответствии с повседневным жизненным опытом различных групп людей. Концентрация внимания на *опыте* указывает на то, что «традиционный» образ жизни женщин, включающий их ответственность за репродуктивные функции, должен быть учтен при планировании городской среды. Конечно, это не обязательно означает, что общество стремится к проведению гендерных различий между продуктивной и репро-

дуктивной деятельностью. Ларссон (2006) полагает, что «когда дело доходит до обсуждения гендерных аспектов такой подход легко сводит потребности к некоторым биологическим характеристикам мужчин или женщин. Лишь некоторые биологические различия, такие как различия в физической силе, важны для планирования и должны приниматься во внимание, например, при обсуждении вопросов безопасности и защищенности в общественном пространстве» (Larsson, p 510).

В сфере постсоветской архитектуры городское планирование имеет дело в основном со *структурой* городов, обозначающей функциональные зоны и формирующей городскую морфологию. Но хотя планирование в Беларуси и опирается на ценности, унаследованные от Советского Союза, [и ставит перед собой] цель добиться создания пространства для безличных пользователей не принимая во внимание, являются ли они мужчинами или женщинами, в то же время существуют присущие обществу определенные патриархальные ценности, что приводит к гендерно-предвзятому использованию пространства. «Это и не удивительно, что женщины и мужчины используют и переживают городскую среду по-разному. Учитывая сегодняшние гендерные роли, женщины по-прежнему несут большую ответственность за так называемые репродуктивные виды деятельности, такие как уход за детьми, уход за пожилыми и занятия домашними делами — т. е., виды деятельности, которые часто ограничиваются частной сферой» (Dymén and Ceccato, 2012, pp 311-312). Среди вопросов, которые нужно задавать себе планировщикам, в частности - как отношения между мужчинами и женщинами формируются сегодня, и как они, вероятно, будут формироваться в будущем? Для того, чтобы найти ответы на такие запросы, необходимо повышать осведомленность о различных аспектах повседневного жизненного опыта в городе, а не концентрировать внимание на «потребностях» (Larsson 2006). Отсылка к потребностям предполагает, что различия между мужчинами и женщинами будут оставаться неизменными и в будущем, в то время как подчеркивание повседневного жизненного опыта указывает, что будущее может измениться.

Следовательно, существует пространственная связь между тем, как гендерный опыт сформировал дизайн нашей антропогенной среды, расположение мест, которым мы придаем значение, способы, которыми мы организуем наши повседневные дела, и то, как мы работаем и путешествуем. Если мы возьмем городскую жизнь в качестве ключевого масштаба для восприятия смысла гендерно-предвзятых пространств, это позволит нам увидеть, как гендерные аспекты могут быть пережиты и в чем они могут заключаться в том, как мы живем, работаем и путешествуем. Исследователи (см. Polk, M. 2004, Uteng & Cresswell 2008) указывали на многие примеры гендерно-предвзятых моделей и гендерно-предвзятого использования пространства, особенно в отношении транспорта. Например, женщины осуществляют более многогранные поездки, чем мужчины, предпринимая поездки в детский сад, школу, на работу, и в магазины (Greed, 2005).

2.2 Гендер и городское планирование

Существуют определенные закономерности, вызванные гендерными различиями в использовании пространства, однако политика пространственного планирования имеет тенденцию игнорировать тот факт, что мужчины и женщины используют общественное пространство по-разному. Многие исследователи размышляют о

том, что городские и пригородные пространства спроектированы таким образом, чтобы поддержать деятельность мужчин, а также критикуют методы планирования, которые отражают общества доминирования мужчин (см. Greed, 2005, 2007, Fainstein et.al, p.125-135).

Что касается пространственного планирования и гендерного взаимодействия в контексте Великобритании, то требования ЕС привели к тому, что учет гендерного подхода в этой стране стал обязательным требованием. Это подтолкнуло Королевский институт городского планирования (КИГП) к проведению исследования того, в какой степени местные органы планирования принимают во внимание вопросы гендерного равенства (см. Greed, 2003a,b). В результате проведенных исследований был разработан «Набор инструментов», который позволит планировщикам включить гендерный подход в свою деятельность по формированию политики (см. Reeves and Greed, 2003; Greed, 2003a).

Основываясь на данном «Наборе инструментов», КИГП отметил важность учета гендерной концепции при разработке социально комплексного подхода к пространственному планированию выпустив Меморандум по эффективной практике №7¹ КИГП, посвященный гендерным вопросам и территориальному планированию и опубликованный в 2007 году. Меморандум по эффективной практике далее освещает гендерные вопросы, которые должны учитываться в политике и практике планирования, и указывает на некоторые из проблем, которые возникают в результате планирования без учета гендерных аспектов. В меморандуме отмечается, что гендерный фактор повлиял на дизайн пространств, где живут и работают люди. Кроме того, публикация объясняет, что различия в повседневном жизненном опыте женщин и мужчин сказываются на всех фундаментальных принципах пространственного планирования и проектирования архитектурной среды. Именно женщины в основном сталкиваются с неблагоприятными ситуациями в пределах архитектурной среды, которая была зачастую разработана с небольшим учетом их опыта.

2.3 Пример рамок для исследования формирования планов и процессов городского планирования под влиянием таких факторов, как пол, этническая принадлежность, класс и т.д.

Задание для студентов может состоять в том, чтобы внимательно прочитать градостроительные планы и классифицировать их содержимое на основе следующих рамок (для детального понимания будет необходимо следовать справочным материалам).

---

1 <http://policy-practice.oxfam.org.uk/publications/gender-and-spatial-planning-rtpi-good-practice-note-7-112350>

2.4 Гендерные рамки

Понятие «гендер» рассматривается как культурный термин, указывающий на дискретные роли, приписываемые мужчинам и женщинам, с точки зрения общественных обязанностей, опыта и ожиданий (Greed, 2005). *Гендерный подход* признает, что ответственность и опыт женщин отличаются от мужчин; мужчины и женщины по-разному используют пространство и в доме, и в архитектурной среде (см. там же). Гендерный подход дает студентам возможность отступить на шаг назад и поставить под вопрос социально сконструированные гендерные роли в местах проживания и работы, с которыми обычно связан жизненный опыт мужчин и женщин.

Чтобы понять, почему этот гендерный аспект необходимо учитывать в городском планировании, важно осознать, как использование пространств обусловлено гендерными аспектами и почему в результате гендерно-обусловленных подходов появляются определенные модели. Конечно, не все люди в обществе живут сколь-либо заметным образом в соответствии с гендерными ролями в своей повседневной жизни, но, когда конкретное поведение замечено каким-либо человеком, то вполне естественно утверждать, что индивид ведет себя в соответствии с концепцией гендера, которая следует из ролей, социально сконструированных в прошлом. В этом смысле, связь между гендером и использованием пространства сформирована полем отношений, вытекающих из видов повседневной деятельности гендеров (Greed, С. 2006:186), которые развились с течением времени.

Включение гендерной проблематики предполагает, что планировщик знает и принимает во внимание то, что опыт повседневной жизни женщин и мужчин различается, и то, что этот опыт возникает в связи со структурами власти, которые в целом помещают женщин в подчиненное положение. В результате приписывания полам определенных ценностей и перспектив, они становятся гендерно-обусловленными [*gendered*]. Арора-Йонссон (2013) утверждает, что, *... распределение отличительных признаков на основе пола/сексуальности является собой процесс создания гендера. Гендерные различия между полами могут, таким образом, пониматься не как естественный порядок вещей, но как нечто исторически, культурно и социально созданное. Половые различия играют важную роль в организации социальных взаимоотношений и различиях [в распределении] власти* (Arora-Jonsson 2013: 31).

Тем не менее, на этом этапе важно подчеркнуть, что даже хотя в пространственное планирование участвуют многие профессиональные проектировщицы-женщины, это не значит, что обязательно подчеркиваются ценности и перспективы, традиционно приписывавшиеся женщинам.

Курьян (2000) разработал рамки так называемых женских и мужских ценностей и перспектив, или пар атрибутов, для включения гендерных аспектов в процесс проведения оценки воздействия на окружающую среду в деятельности Всемирного банка. Это — те виды ценностей и перспектив, которые исторически, культурно и социально приписывались мужчинам и женщинам. Одной из таких пар является *техническая и экономическая рациональность* (мужской атрибут), противопоставленная *политической и социальной рациональности* (женский атрибут). Иными словами, маскулинность в этих рамках связана с максимизацией индивидуальной выгоды, в то время как женственность связана с рациональностью межличностных

отношений и рациональностью принятия решений в пределах стандарта обсуждения и принятия решения (стр. 28). Еще одна пара включает мужской атрибут, который делает *основной упор на развитии как экономическом росте*, противопоставленный женскому атрибуту, который делает *основной упор на поддержании образа жизни (существовании и выживании семьи)*. Иными словами, маскулинность ассоциируется с наибольшей пользой для наибольшего числа людей, причем в интересах эффективного достижения экономического роста необходимо, чтобы природа и культура рассматривались как товары. Женственность, с другой стороны, связана с существованием и выживанием семьи, которые зависят от доступности и поддержания природы и культуры (стр. 29).

Следующие рамки могут быть использованы студентами и профессиональными планировщиками для оценки того, принимает ли планирование мужские или женские ценности и перспективы (или и те, и другие). Целью этих рамок является не классификация женщин и мужчин, а выявление соотношений власти в коридорах планирования. В планировании доминируют, как правило, мужские ценности и перспективы (Fainstein, S.S. and Servon, L.J. (2005). Выявляя эти практики, планировщик понимает, что женские ценности и перспективы также должны быть подчеркнуты в интересах разработки диверсифицированных и комплексных планов.

Таблица 1: Мужские и женские ценности и перспективы в процессах планирования

Мужские атрибуты	Женские атрибуты
Гендерно-обусловленное восприятие окружающей среды	
1. Основной упор на развитии, определяемом как экономический рост	1. Основной упор на поддержании образа жизни
2. Считает природу и людей чем-то отдельным друг от друга	2. Считает людей частью природы
3. Игнорирует значение культуры, культурных норм и сохранения ценностей	3. Подчеркивает культурные нормы, ценности и необходимость сохранения ценностей
Гендерно-обусловленные подходы к процессу планирования	
4. Техническая и экономическая рациональность	4. Политическая и социальная рациональность
5. Делает акцент на «твердой» науке, количественных методах	5. Делает акцент на социальных науках, ценностях
6. Концентрирует внимание на планировании как рациональном процессе	6. Концентрирует внимание на планировании как коммуникации
7. Гендерно-зависимые различия в том, как население переживает процесс климатических изменений, не считает чем-то особенно важным	7. Признает существование гендерно-зависимых различий в том, как население переживает процесс климатических изменений

Источник: Kurian (2000) and Dymén et al. (2014)

2.5 Интерсекциональность

Для возможного охвата новых измерений гендера как аналитического инструмента важным понятием может быть *интерсекциональность*. Интерсекциональность развивает понимание гендера, этнической принадлежности и класса по отношению к городскому планированию. Это - критика западного феминизма и упрощенного подхода к пониманию гендерного равенства. Интерсекциональная перспектива способствует пониманию и рефлексии того, как этническая принадлежность, класс и гендер способствуют неравенству во взаимодействии. Принятие интерсекциональной перспективы в области исследований и городского планирования может помочь в поисках ответов на следующие вопросы:

- Какие социальные категории, если таковые имеются, представлены в эмпирическом материале? Какие социальные категории отсутствуют? Есть ли какие-либо наблюдаемые явные или неявные предположения о социальных категориях и об отношениях между социальными категориями? Какие идентичности получают поддержку и считаются основами для политического действия? Подвергаются ли какие-то иные аспекты идентичности пренебрежению либо считаются незначительными?
- Как отображены отношения между людьми и между людьми и окружающей средой? Как представлена природа? Какой тип экологических знаний признается и пользуется предпочтением?
- Возможно ли различить в материале какие-либо нормы поведения? Есть ли нормы, касающиеся отношения к другим людям, ресурсам и природе? Какие нормы устанавливают стандарты «хорошей жизни»? Как эти нормы воспроизводятся, подкрепляются либо ставятся под сомнение? Как они отражаются в институциональной практике? (Kaijser and Kronsell, 2013, p. 13-14)

В качестве иллюстрации вышеупомянутых рамок следующий случай из Стокгольма показывает, как градостроители в своей деятельности по планированию делают несколько предположений о том, как разные группы людей живут, и как они предпочитают жить.

Вставка 1: Уплотнение Стокгольма: перспектива сверху-вниз?

Брэдли (2009a) в рамках своего исследования узнает из интервью с пространственными планировщиками в Стокгольме, что идея строительства непрерывной городской структуры и идея компактного города представляют собой перспективу сверху-вниз. В умах участников дискуссии засела норма городского центра, которую они пытаются применить и в пригородах. В интервью с жителями менее богатых пригородов выясняется, что нормы городского центра не всегда идеальны и желательны в этих районах (Там же.). Например, жители Тенсты (пригорода Стокгольма) на самом деле ценят разделение движения транспорта и зеленые насаждения между домами (Bradley, 2009b)

Интервью Брэдли с планировщиками в Стокгольме также показывают, что движущие силы концепции компактного города имеют скорее экономический, чем экологический характер, и как раз экологически мотивированная аргументация позволяет отыскать в ней множество противоречий. «Некоторые предположения о причинах и следствиях в этой стратегии можно поставить под сомнение», указал один из планировщиков. Это особенно касается предположения, что уплотнение и дополнительные разветвленные транспортные сети будут способствовать более яркой городской жизни и более широкому использованию общественного транспорта. Согласно тому же планировщику, уплотнение пригородов подобных Тенста и Спонга может привести к сочетанию негативных аспектов городского центра (шум, движение, недостаток света, свежего воздуха и зелени) с негативными аспектами пригорода (отсутствие общественных пространств и яркой общественной жизни, большие расстояния до культурных, торговых объектов и объектов сферы услуг)». (стр. 242).

2.6. Справочные материалы к разделу по теории архитектуры

Arora-Jonsson, S. (2013). *Gender, Development and Environmental Governance. Theorizing Connections*. New York: Routledge

Bradley, K., (2009a). Planning for eco-friendly living in diverse societies. *Local Environment*, 14 (4), 347–363.

Bradley, K., (2009b) *Just environments. Politicising sustainable urban development* (doctoral thesis). KTH

Dymén, C., Langlais, R., & Cars, G. (2014) Engendering Climate Change: The Swedish Experience of a Global Citizens Consultation. *Journal of Environmental Policy & Planning*, 16:2

Kaijser, A., & Kronsell, A (2013) Climate change through the lense of intersectionality. *Environmental Politics*

Dymén, C., & Ceccato, V. (2012). An international perspective of the gender dimension in planning for urban safety. In V. Ceccato (Ed.), *Urban fabric of crime and fear* (pp. 311-339). Springer Science.

- Kurian, A.K. (2000). *Engendering the environment? Gender in the World Bank's environmental policies*. Aldershot, England: Ashgate
- Larsson, A (2006) From equal opportunities to gender awareness in strategic spatial planning Reflections based on Swedish experiences. *TPR*, 77 (5) 2006
- Natalya Barykina (2008) Architecture and Spatial Practices in Post-Communist Minsk: Urban Space under Authoritarian Control. *spacesofidentity* 8.2 (2008)
- Lång, S. (2010). A gender perspective on educational facilities: OECD, Available at: <http://www.oecd.org/education/innovation-education/centreforeffectivelearningenvironment/45566604.pdf> {Retrieved on 2014-10-30}

2.7 Дополнительные примеры публикаций и руководств по включению гендерного подхода в процесс планирования

- Commission for Architecture and the Built Environment, UK (2008) *Inclusion by design. Equality, diversity and the built environment*.
- European Forum for Urban Safety (EFUS) (2007) *Guidance on Local Safety Audits: A Compendium of International Practice*
- Fainstein, S.S. and Servon, L.J. (2005) *Gender and Planning: A Reader*. Rutgers University Press.
- Greed, C (2006) Making the divided city whole: Mainstreaming gender into planning in the United Kingdom. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 97:3, pp. 267–280.
- Greed, C. (2002) Report on gender auditing and mainstreaming Incorporating case studies and pilots. Royal Town planning institute: UK
- Greed, C. (Ed.) (2003a). Report on Gender Auditing and Mainstreaming: Incorporating case studies and pilots, Research Report edited by C.Greed, with L. Davies, C. Brown and S. Dühr, Royal Town Planning Institute, London.
- Greed, C. (Ed.). (2003b) The Rocky Path from Women and Planning to Gender Mainstreaming, Occasional Paper 14, Faculty of the Built Environment. University of the West of England, Bristol.
- Greed, C. (2005) An investigation of the effectiveness of gender mainstreaming as a means of integrating the needs of women and men into spatial planning in the United Kingdom. *Progress in Planning*, 64, p. 243–321.
- Greed, C. (2006) Institutional and Conceptual Barriers to the Adoption of Gender Mainstreaming Within Spatial Planning Departments in England. *Planning Theory & Practice*, 7, 2, p. 179–197.

- Polk, M., (2004) The influence of gender on daily car use and on willingness to reduce car use in Sweden, *Journal of Transport geography*, Vol 12, Issue 3, p. 185-195.
- Whitzman, C (2008) *The Handbook of Community Safety, Gender and Violence Prevention Practical Planning Tools*. Earthscan.
- Travers, K., Ballu, S., Danmeri, F., Guajardo Garcia, C., Idriss, M., Kramer J.& Virgin, M. (2002) *Women's safety a shared global concern. Compendium of practices and policies*. International Centre for the Prevention of Crime
- Uteng, T. P. & Creswell, T. eds. (2008) *Gendered Mobilities*, Ashgate Publishing, London.
- Royal town Planning Institute (2003) *Gender Equality and Plan Making. The Gender Mainstreaming Toolkit*, Available at: <http://www.rtpi.org.uk/media/6338/GenderEquality-PlanMaking.pdf> {Retrieved on 2014-10-30}
- Witzman, C. (2007) *The Loneliness of the Long-distance Runner: Long-term Feminist Planning Initiatives in London, Melbourne, Montreal and Toronto*. *Planning Theory & Practice*, 8:2, pp. 205–227.
- Women's Initiatives for Safer Environments (2005) *Women's community safety audit guide: Safety for Women, Safety for Everyone, Let's Act on it*. Canada.

3. АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

3.1 Теоретическое введение и актуальные вопросы

Как *дизайн* города изменяет восприятие его людьми и взаимодействие с ним? Пространства и строения неизбежно имеют политический характер, а методы их строительства имеют последствия для того, как люди разных гендеров и профессий взаимодействуют с ними. Различные типы пространств также используются различными способами, и они могут начать представлять собой конкретные ценности и опыт для социальных групп. Важно иметь в виду эти факторы при создании и разработке архитектурных проектов. Некоторые проблемы могут быть четко отслежены - например, тот факт, что определенные общественные места гораздо менее безопасны для женщин, чем мужчин, в силу их конструкции. Другие проблемы могут быть более трудноуловимыми и малозаметными - местоположения определенных структур могут сказываться на доступности мест работы, детских садов, а также возможностей в сфере потребления и услуг. Несмотря на недавние достижения в области прав женщин и гендерного равенства в большей части мира, гендер «продолжает играть важную роль в объяснении динамики путешествий, жилья и рынка труда, что влечет за собой серьезные последствия для практики планирования» (Stane 2007, 298). Гендерные вопросы, касающиеся архитектурного проектирования и дизайна, также неразрывно связаны с такими вопросами прав человека, как занятость, права женщин, равенство, безопасность, свобода передвижения и свобода выражения мнений. Все они закреплены в ВДПЧ ООН, как уже было сказано во введении к настоящему докладу.

Повседневный жизненный опыт женщин и мужчин сказывается на всех фундаментальных принципах городского планирования и дизайна архитектурной среды. Учитывая, что эти сферы деятельности традиционно контролировались мужчинами, социально-экономические профили которых являются отражением соответствующего профиля доминирующего большинства, потребности женщин и маргинальных групп зачастую оказывались позабытыми, что вело к гендерному неравенству в архитектурной композиции. Маргинальные группы, в частности люди с очень низким социально-экономическим статусом (например, бездомные), иммигранты и дети, а также женщины, часто оказываются в невыгодных для себя ситуациях в архитектурной среде, которая лишь в редких случаях разрабатывалась с учетом их потребностей. Кроме того, во многих регионах мира, дома и жилищные услуги были традиционно организованы с определенной «гендерной слепотой», поскольку они «не признают и не учитывают особых потребностей и приоритетов женщин в отношении получения доходов, воспитания детей и ведения домашнего хозяйства, а также деятельности на уровне общин и управления ими» (United Nations 1996, 34).

Следует также отметить, что в Европе, «женщины составляют большинство во многих меньшинствах, как например в случае пожилых людей, людей с ограниченными возможностями, и зависящих от общественного транспорта» (Greed 2008, 244). Таким образом, женщины диспропорционально больше других страдают от проблем планирования — неадекватно функционирующий транспорт, небезопасные общественные места, и некачественное жилье — все эти факторы подвергают женщин (и другие меньшинства) большей опасности, чем мужчин. Планирование и проектирование для инвалидов в архитектурной среде также является серьезной проблемой во многих странах Европы, и эту ситуацию усугубляет традиционно бытующее среди многих архитекторов мнение о том, что «все сегменты общества хотят, чтобы окружающая среда функционально обеспечивала их тем же самым» (Imrie 1998, 131). Эти соображения лежат в основе так наз. «эйблизма» [*дискриминации в пользу здоровых людей*], который является (зачастую неосознанной) дискриминацией тех, чьи физические возможности ограничены и кто не может получить доступ ко многим зданиям и городским пространствам. Миллер и Альберт (2005) полагают, что «учет фактора инвалидности» при разработке может (и должен) стать одной из политических целей наравне с учетом гендерного подхода в данной области. Однако в отношении учета фактора инвалидности сохраняются «значительные пробелы», и между проектировщиками, архитекторами и общественными организациями, к сожалению, не налажено достаточно связей (Miller & Albert 2005, 49).

Архитектура как дисциплина и область исследования уже давно занимается двойственностью, которая перекликается с общими стереотипами гендерных характеристик (о некоторых строениях может быть, например, сказано, что они воплощают «мужское/ практическое» или «декоративное/ женское»). С более практической точки зрения это означает, что сооружения и проекты, являются далеко не просто нейтральными, декоративными или функциональными, а проникнуты социальными смыслами и интерпретациями человеческого взаимодействия, которые могут быть проанализированы сквозь призму феминизма и путем принятия во внимание гендерной проблематики. Это важно, поскольку существует необходимость ухода от общего понимания архитектурного проектирования как «нейтральной» сферы, которой присущи объективные ценности.

3.2 Методика обучения и примеры

Проявления предубежденного отношения в планировании, проектировании и архитектуре могут не быть непосредственно очевидными, но, применяя критический подход к городам вокруг них, студентам можно продемонстрировать эти проблемы, зачастую скрытые от простого взгляда. Чтобы определить объекты, пространства и места, которые по своей сути создают преимущества для господствующих групп, студенты могут предпринимать самостоятельные экскурсии в город и идентифицировать конкретные места в пределах своего города, которые, по их мнению, могут иметь такие характеристики. Сделав во время этой экскурсии фотографии и составив краткий письменный анализ того, как конкретный объект может ставить в невыгодное положение конкретную группу, студенты смогут лучше понять дискриминацию, которая была присуща процессу создания города, в прикладных и практических условиях.

Что касается конкретного содержания курса «Архитектурное проектирование», то ниже приводятся примеры исследований отдельных ситуаций и подробных статей, которые могут быть использованы для объяснения того, почему критическое понимание гендерных аспектов важно для разработки городских структур.

3.2.1 Планирование с учетом гендерного подхода в жилых районах

Архитектурные практики, существовавшие на протяжении советской эпохи, которые привели к строительству якобы нейтральных, массово производимых блочных жилищных комплексов, фактически создали в Беларуси глубоко политические пространства, продолжающие воплощать различные значения для разных гендеров и социальных групп. Например, Хирт (2008, 342) отмечает, что, хотя в советских разработках в основном «отсутствовали пригороды западного стиля, застроенные односемейными домами, ... их массовые жилые районы плохо обеспечены возможностями в сфере занятости и услуг», что ведет к глубоким пространственным неравенствам и линиям раскола на гендерной основе. Это также привело к значительному «двойному бремени» для многих женщин, когда им было вменено в обязанность продолжать работать и быть главными ответственными за решение семейных и домашних вопросов (Hirt 2008, 352).

В своем тексте о развитии пригородов в посткоммунистической Софии Хирт (2008) также прослеживает, как неолиберальные рыночные и жилищные реформы «институционально сохранили» гендерное неравенство путем поощрения «политики планирования, благоприятствующей субурбанизации, основанной на ложном предположении о том, что пригородные формы гендерно-нейтральны (Hirt 2008, 351). Димен и Чеккато (Dumen & Ciccato 2010: 13) указывают на некоторые необычные способы, посредством которых дизайн дома и квартиры может способствовать созданию безопасной среды для женщин. В Вене, например, некоторые практики планирования и архитектурные практики, такие как «проектирование кухни с эркерами (эркерами, выступающими из стен) и связанный с этим поворот в схеме ... апартаментов», позволяют создать более безопасные частные и общественные пространства за счет увеличения видимости в направлении внешнего пространства. В более широком масштабе, размещение полицейских участков и врачебных кабинетов является «неотъемлемым» элементом жилых районах, так как они могут «потенциально способствовать сообщению женщинами о случаях домашне-

го насилия, [особенно], если эти службы организованы в рамках большей схемы борьбы с насилием в семье» (Dymen & Ceccato 2010, 13).

На глобальном уровне даже в случае женщин, которые большую часть своего времени проводят дома, «[их] повседневная трудовая нагрузка, использование в процессе ее выполнения технологий и пространства редко принимаются во внимание при проектировании домов, инженерной инфраструктуры и жилых районов» (Rakodi 1991, 545). Во всем мире, это ведет к тому, что женщины могут оказаться в жилых помещениях, которые «плохо спроектированы и опасны, где их глазам и легким угрожает дым от открытых очагов, где сжигаются дрова и древесный уголь» (Rakodi 1991, 545).

Одним из очень важных текстов на эту тему является «На что был бы похож несексистский город?» Долорес Хайден. Хотя текст был написан в 1980 году и касался в основном тенденций развития американских пригородов, которые смещали центр семейной жизни прочь от «мужских рабочих мест», он до сих пор во многом сохранил свою актуальность. Используя примеры из самых различных городских условий, Хайден показывает, как максима «место женщины — дома» была одним из самых важных принципов архитектурного проектирования и градостроительства в США на протяжении последнего столетия» (S170). Одним из важных моментов в данном случае является то, что расстояние между домом и рабочим местом способствует разделению между пространством «мужской» работы и «женским» домашним пространством, и это даже может вести к социальной изоляции женщин. «Женская проектная служба» (ЖПС), располагающаяся в Ислингтоне (Великобритания), реализовала целый ряд локальных проектов, призванных расширить возможности местных женщин и способствовать лучшему пониманию рисков, с которыми сталкиваются маргинализированные общины в городских условиях. Проекты ЖПС, посвященные в первую очередь гендерным вопросам, часто охватывают группы местных жителей с ограниченными возможностями и другие социально ущемленные категории населения. В частности, весьма положительные результаты дал проект, работающий с услугами беженцев (и местным населением из числа беженцев). Все женщины, участвующие в семинарах ЖПС, сообщили, что приняв участие в этих мероприятиях они приобрели новые «знания и опыт в области общественной безопасности», а большинство указало, что они «рекомендуют пройти этот тренинг другим» (WDS 2008, 4). Стоит отметить, что этот проект также финансировался Европейской комиссией по правам человека (ЕКПЧ).

Иллюстрация 1. В отсутствие тщательного планирования и строительства, пешеходные дорожки, подобные этой в канадском городе Реджайна, могут в конечном итоге превращаться в тускло освещенные и малохоженые места, не безопасные для женщин и лиц с ограниченными возможностями.

Иллюстрация 2. Из Минска: широкие бульвары, предназначенные для интенсивного автомобильного движения, могут быть опасными для пересечения их пешеходами.

3.2.2 Промышленный дизайн и рабочая среда

Помимо соблюдения основных стандартов, важно рассмотреть, как промышленный дизайн подвергает рабочих опасностям в рабочей среде, и предоставлено ли работникам достаточно пространства и доступа к объектам, где они могут общаться и отдыхать в свободное от выполнения служебных обязанностей время. Это особенно важно в случае проектирования текстильной фабрики, изложенном в материалах курса. По этому вопросу Хо и др. (1996) был представлен анализ прав женщин в контексте сборочных линий и промышленного труда. Авторы отмеча-

ют, что в США молодые женщины и трудящиеся-мигранты часто оказываются загнанными в маленькие, грязные рабочие помещения где они страдают в унизи-тельных условиях. Хотя вы можете не быть в состоянии контролировать трудовую политику или законы, касающиеся заработной платы, но в этом случае может быть полезно рассмотреть и обсудить, какую роль дизайн рабочего места может играть в жизни тех, кто каждый день проводит время в промышленных условиях. Важно иметь в виду, что женщины и меньшинства могут иметь принципиально различ-ный опыт в этих пространствах и сталкиваются с особыми видами риска (напри-мер, преследования и сексуального насилия).

3.2.3 *Различный опыт в отношении зеленых насаждений и городских ландшафтов*

При проектировании парков и других видов открытого пространства, важно пони-мать, что эти места могут быть по-разному пережиты и восприняты мужчинами и женщинами. Безопасность является очевидной проблемой, и некоторые проект-ные решения (обеспечение яркого освещения, легкодоступности и видимости пло-щадок и т.д.) могут сделать эти места более удобными для женщин. Ричардсон и Митчелл (2010), стремясь понять, почему женщины недостаточно представлены в общей структуре использования зеленого пространства во всей Великобрита-нии, представляют прекрасный анализ и предлагают убедительные аргументы в пользу того, что *гендер* является одним из ключевых факторов в индивидуальном переживании и использовании зеленых насаждений/общественных парков. Ниже приведены несколько ключевых цитат, обобщающих их выводы.

- «Женщины недостаточно представлены в использовании зеленого пространства пропорционально их численности в обществе ... и менее вероятно осуществление ими интенсивной физической активности, по сравнению с мужчинами, во время пребывания в зеленом пространстве ... Таким образом, мы могли бы выдвинуть гипотезу, что зеленая зона играет более важную роль для мужского здоровья, чем для здоровья женщин. Кроме того, женщины тратят больше времени в сво-ем районе [окрестностях своего дома], по сравнению с мужчинами, потому что именно они с большей вероятностью занимаются детьми, работают неполный рабочий день, делают домашнюю работу или осуществляют основной уход за членами своих семей... Поэтому мы могли выдвинуть гипотезу, что окружающая среда в окрестностях дома (в том числе наличие зеленого пространства) будет играть более важную роль для здоровья женщин».

- «Почему мы наблюдаем гендерные различия во взаимозависимости между по-крытием [определенных районов] городскими зелеными зонами и смертностью от сердечно-сосудистых заболеваний и болезней дыхательных органов, если у мужчин и женщин в этих районах был доступ к тем же самым зеленым зонам, как с точки зрения количества, так и качества? Одним из возможных объяснений является то, что мужчины и женщины могут переживать и использовать город-скую зеленую зону по-разному».

- «Кроме того, представляется вероятным, что конкретный жизненный этап и семейные обстоятельства влияют на отношения между женщинами и их окру-жением, возможно, в большей степени, чем это имеет место в отношении муж-чин. Попхэм и Митчелл (2006), например, показали, что наличие маленьких детей

сказывается на поведении женщин в свободное время более серьезно чем на поведении мужчин».

Имеются примеры городского планирования/дизайна, которые оказались в целом успешными в решении гендерных проблем. Гарсия-Рамон и др. (2004, 215) прослеживают, как «определенная социальная и политическая конъюнктура в Испании» привела к «успешному переоборудованию» района Виа Юлия в Барселоне. Под воздействием ориентированного на женщин городского низового движения в пролетарском районе Ноу Баррис, градостроители проявили большую старательность в учете нужд женщин общины при проектировании новых общественных пространств, площадей и парков. Виа Юлия, близлежащий, «приподнятый над окружающей территорией центральный бульвар с навесом», формирует «основу всей системы открытых пространств в данном районе» (Garcia-Ramon et al. 2004, 219). Исследователи отмечают, что Виа Юлия является уникально успешным примером архитектурной и градостроительной политики, отмечая, что на протяжении всей их полевой работы на месте было зафиксировано «почти сбалансированное использование общественного пространства мужчинами и женщинами разных возрастных групп в рамках широкого диапазона видов деятельности» (Garcia-Ramon et al. 2004, 221). Это показывает, что подобные пространства (например, парки, общественные скверы, торговые центры, остановки общественного транспорта и т.д.) могут быть эффективно использованы в широком демографическом диапазоне, если разные потребности действительно учитываются, а женщины, знающие об этих проблемах, участвуют в процессе планирования/проектирования.

Иллюстрация 3. Подземный пешеходный переход в Монреале (Канада). Подобные тоннели могут быть особенно опасными для женщин, которые ими пользуются.

Иллюстрация 4. Подземный тоннель в Минске, который может создавать аналогичные проблемы безопасности.

3.3 Дополнительные материалы:

Стокгольмские университеты, и в частности Королевский технологический институт (КТИ), имеют традицию серьезной поддержки учета гендерного подхода в области архитектуры, планирования и социальной политики. Одной из исследовательниц и профессоров, работающих над этими вопросами в Стокгольме, является Элен Фришо², с которой мы встретились для интервью в связи с этим проектом. Ее курсы и публикации, которые можно найти по ссылке ниже в примечании к этой странице, посвящены критической теории и ставят под вопрос предположения «феминизма» как фиксированной позиции для анализа в сфере архитектуры и социальных наук.

Базирующаяся в Стокгольме феминистская архитектурная группа «Fatale»³ является результатом сотрудничества между исследователями КТИ. Хотя с 2012 года как они непосредственно не осуществляли коллективные проекты, их веб-сайт по-прежнему содержит богатые ресурсы и полезную информацию о прошлых проектах. «Gendersite»⁴ является еще одним, британским онлайн-ресурсом, который содержит базу данных по ситуационным исследованиям (case studies) по вопросам гендера и архитектурной среды. Другие, более фундаментальные тексты на эту тему включают «*Space, the City, and Social Theory*» (Фрэн Тонкисс, 2006), «*Feminist Practices*» (Лори Браун, 2011), а также «*Gender Space Architecture*» (Джейн Ренделл и др., 1999). Эти книги представляют углубленное обсуждение темы, включающее размышления об истории феминистского дискурса и убедительные примеры того, как проблемы городского пространства пересекаются с гендерными аспектами.

---

2 Contact: Helene Frichot helene.frichot@arch.kth.se, <https://www.kth.se/profile/frichot/>

3 <http://www.fatalearchitecture.blogspot.se/>

4 <http://www.gendersite.org/>

3.4 Справочные материалы к разделу архитектурное проектирование

- Barykina, N. (2008). Architecture and Spatial Practices in Post-Communist Minsk: Urban Space under Authoritarian Control. *Spaces of Identity* 8(2). Available at: < <http://pi.library.yorku.ca/ojs/index.php/soi/article/view/18121/16893>>.
- Bonnevier, K. (2007) *Behind Straight Curtains: Towards a Queer Feminist Theory of Architecture*. Stockholm: Royal Institute of Technology.
- Boym, S. (1994) *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
- Brown, L. (Ed.). (2011) *Feminist practices: interdisciplinary approaches to women in architecture*. England Ashgate Publishing, Ltd.
- Crane, R. (2007) 'Is There a Quiet Revolution in Women's Travel? Revisiting the Gender Gap in Commuting'. *Journal of the American Planning Association* 73(3), 298-316.
- Dymén, C., & Ceccato, V. (2012) 'An international perspective of the gender dimension in planning for urban safety'. Pp. 311-339 in: V. Ceccato (Ed.), *Urban fabric of crime and fear*. Springer Science.
- Fainstein, S. & Servon, L. (2005) 'The Intersection of Gender and Planning'. Pp. 1-15 in: *Gender and Planning: A Reader*. Servon, L. & Fainstein, S. (eds). USA: Rutgers University.
- Garcia-Ramon, M. D., Ortiz, A., & Prats, M. (2004) 'Urban planning, gender and the use of public space in a peripheral neighbourhood of Barcelona'. *Cities* 21(3), 215-223
- Greed, C. (2008) 'Are We There Yet? Women and Transport Revisited'. Pp. 243-256 in: *Gendered Mobilities*. Cresswell, T. & Uteng, T. (eds). England: Ashgate.
- Ho, L., Powell, C., & Volpp, L. (1996) '(Dis) assembling rights of women workers along the global assembly line: Human rights and the garment industry'. *Harv. C.R.-C.L. L. Rev.* 31, 383.
- Hayden, D. (1980) 'What would a non-sexist city be like? Speculations on housing, urban design, and human work.' *Signs*, 5(3), S170-S187.
- Hirt, S. A. (2008) 'Stuck in the suburbs? Gendered perspectives on living at the edge of the post-communist city'. *Cities*, 25(6), 340-354.
- Imrie, R. (1998) 'Oppression, disability and access in the built environment'. Pp. 129-146 in: *The Disability Reader: Social Science Perspectives*. Shakespeare, T. (ed). Continuum International Publishing Group: London.
- Krizek, K. J., Johnson, P. J., & Tilahun, N. (2005) 'Gender differences in bicycling behavior and facility preferences'. *Research on Women's Issues in Transportation* 2, 31-40.

- Miller, C. and Albert, B. (2005) 'Mainstreaming disability in development: Lessons from gender mainstreaming'. Available at: <<http://www.disabilitykar.net/docs/gender.doc>>.
- Rakodi, C. (1991) 'Cities and people: Towards a gender-aware urban planning process?'. *Public Administration and Development*, 11(6), 541-559.
- Rendell, J., Penner, B., & Borden, I. (Eds.) (2000) *Gender space architecture: An interdisciplinary introduction*. USA: Psychology Press.
- Richardson, E. A., & Mitchell, R. (2010) 'Gender differences in relationships between urban green space and health in the United Kingdom'. *Social Science & Medicine*, 71(3), 568-575.
- Tonkiss, F. (2005) *Space, the city and social theory: Social relations and urban forms*. Cambridge: Polity.
- United Nations (1996) *An Urbanizing World: Global Report on Human Settlements*. UN-HABITAT. Available at: <<http://mirror.unhabitat.org/pmss/listItemDetails.aspx?publicationID=1650&AspxAutoDetectCookieSupport=1>>.

4. СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

4.1. Теоретическое введение и актуальные вопросы

Решения, касающиеся землепользования, градостроительства и мобильности, традиционно принимались группами и отдельными лицами, обладающими привилегированным социально-экономическим статусом. С точки зрения городского планирования, расположение маргинальных в социально-экономическом отношении групп можно рассматривать по отношению к вопросам доступа и инфраструктуры, доступности качественных зеленых и общественных пространств и расположения видов деятельности с негативным воздействием на здоровье человека и окружающую среду (Young, 1990; Sandercock, 2003). Городские планировщики, разработчики политики и политики могут не замечать своих собственных преимуществ, что может вести к возникновению нарратива об идеях и действиях «белых мужчин из среднего класса, поскольку женщины и цветные люди были, по крайней мере до недавнего времени, систематически исключены из данной профессиональной сферы ...» (Sandercock, 1998b). Это может позволить лицам, облеченным властью, не размещать видов деятельности, связанных с отрицательным воздействием на окружающую среду, в районах, которые они склонны рассматривать в качестве возможных мест жительства для себя, или же просто использовать в своих интересах ограниченность влияния маргинальных групп на процессы принятия решений, касающихся этих вопросов, и понимания ими соответствующих проблем (Forrester, 1989; Young, 1990; Sandercock, 1998a). Неблагополучные в социально-экономическом отношении районы и общины традиционно получали меньше инвестиций в качественные зеленые и общественные пространства, в большей степе-

ни сталкивались с крупномасштабными разрушительными изменениями и более масштабными видами деятельности с отрицательными внешними последствиями, например, существованием рядом серьезно загрязняющих окружающую среду предприятий.

Внимание к социальному разнообразию и разнообразию с точки зрения доходов — антитеза джентрификации — было связано с сохраняющейся, и во многих случаях нарастающей проблемой пространственной сегрегации. Эта сегрегация вызвана целым рядом факторов, среди которых одним из наиболее важных является высокая стоимость жилья во внутренних районах города, что очевидно в Минске. В контексте увеличения цен на жилье в городском центре, связанного отчасти с неолиберальной политикой, сегрегация происходит вдоль экономически обусловленных линий (Stahre, 2004). Хотя это возможно не совсем актуально для белорусских городов, но с европейской точки зрения учитывая тот факт, что многие из лиц с низкими доходами имеют иностранное происхождение, этническая сегрегация и сегрегация по уровню доходов нередко во многом коррелируют. Содействие социальному разнообразию и разнообразию с точки зрения доходов не столько связано с достижением какой-то утопической цели равенства, сколько с обеспечением постоянной функциональности наших городов. Угрозы, связанные с сегрегацией, были очень хорошо проиллюстрированы событиями во Франции. В 2005 году гражданские беспорядки охватили многих из наиболее обособленных в социальном и экономическом отношении районов, начиная с Парижа, после чего распространились в подобных районах в других городах по всей стране. Волнения заставили французское общество содрогнуться и причинили материальный ущерб, который оценивается в 200 миллионов евро, наряду с неизвестным числом раненых (Кане и др., 2009).

Общей для социальных основ архитектуры и порой резких потрясений, которые происходят в наших городах, является важность того, как граждане, жители и общественность (термины, которые означают разные вещи в разных условиях) принимают участие в процессах принятия решений. Хотя историю участия общественности в принятии городских решений можно проследить до времен Древней Греции, с Платоном как сторонником такого подхода, а современное применение его в градостроительстве берет свои истоки, наверное, с работы Сола Алиински по организации чикагского квартала Back of the Yards в 1930-х годах (Horwitt, 1989), однако модель планирования, основанного на широком участии, не получила сколь-нибудь значительного литературного или теоретического признания до 1960-х годов. В эту эпоху нарастающей социальной активности, в 1961 году вышла в свет книга Джейн Джекобс «The Death and Life of Great American Cities». Эта откровенная работа бросила вызов модернистской парадигме планирования и экспертам в башнях из слоновой кости, ее представлявшим. Джейн Джекобс выступила за локальное понимание вопросов планирования, перестройки и санации, что может быть достигнуто только через привлечение граждан и расширение возможностей общин.

Основанная на личных впечатлениях и опыте, а не на обобщенных теориях, эта книга послужила иллюстрацией важности контекста в планировании, концепции, которая становится все более популярной в последние годы (Fainstein, 1997; Sandercock, 1998; Bradley, 2009). Используя откровенный и прагматичный аналитический подход, Джекобс, которая не имела никакой формальной профессиональной подго-

товки в области городского планирования, разоблачила систему, которая оставила нам городское наследие развития малой плотности, наряду с функциональной и пространственной сегрегацией.

За этим ранним выступлением в пользу планирования, основанного на действительном участии общественности, последовала выдающаяся деятельность Пола Давидовфа, который успешно отстаивал необходимость расово интегрированного проживания с участием лиц с низким уровнем доходов в преимущественно белых пригородах. Его усилия были увенчаны публикацией эссе «Advocacy and Pluralism in Planning» (1965). Аргументацию в пользу более активного участия граждан в процессе планирования дополнительно усилила книга «A Ladder of Citizen Participation» Шерри Арнстейн в 1969 года. В ответ на то, что она рассматривала как «бесмысленный и разочаровывающий для лишенных власти процесс», Арнстейн (1969) попыталась создать шкалу, которую можно было бы использовать для оценки истинной степени участия граждан в процессах планирования в городах Соединенных Штатов Америки.

Осознав эти важные для социальных основ архитектуры вопросы с теоретической точки зрения, студенты смогут затем определить объекты или места в своих городах, где такие явления очевидно имеют место. Эти упражнения обеспечивают важную основу для рассмотрения и анализа вопроса о том, как городское планирование и связанная с ним политика городского развития оказала особенно пагубное воздействие на конкретные сообщества и группы в Минске и других городах Беларуси, которые уже столкнулись с более широкой общественной маргинализацией.

4.2 Методика обучения и примеры

Виды социального воздействия, влияющие на архитектуру, в некоторых случаях могут быть трудноуловимыми и слабо поддающимися индентификации. Однако, применяя критический подход в отношении городов вокруг них студенты могут лучше осознать существование этих элементов и тем самым, развить более глубокое понимание того, как сформированы наши города, и как они сами могут внести свой вклад в городское развитие. Чтобы осознать, как на объекты, пространства и места повлиял более широкий социальный контекст, и как они зачастую были разработаны под влиянием норм и идеалов доминирующих групп, студенты могут предпринять самостоятельные экскурсии в город, чтобы определить конкретные места в пределах своего города, которым, по их мнению, присущи такие характеристики. Сделав фотографии и написав краткий письменный анализ по конкретным объектам, указанным в разделе практических упражнений ниже, студенты смогут лучше понять процессы, имеющие место в ходе развития города, в прикладных и практических условиях. В этом разделе акцент делается на джентрификации, справедливом пространственном участии и планировании, а также на значении, использовании и собственности на общественное пространство.

4.2.1 Джентрификация

Джентрификацию определяют как «создание пространства зажиточности» в местах, которые традиционно были бедными, пролетарскими или маргинальными в каком-либо отношении (Doucet et al 2011, 1438). Чаще всего это принимает форму

въезда новых, богатых жителей в «недооцененный» район, что ведет к росту цен на недвижимость и, как правило, вытеснению из района его бывших жителей в этом процессе. Хотя этот процесс является проблематичным и глубоко противоречивым, джентрификация зачастую косвенно поощряется как «стратегия развития» для регенерации бедных или стигматизированных городских районов. Рерат и Лис (2011, 126) отмечают, что европейских проектировщиков в настоящее время убеждают в выгодах джентрификации как «устойчивой городской формы», способной привести богатых молодых работников, инвесторов и бизнесменов в местности, переживающие упадок. Тем не менее, жители, вынужденные выехать из-за роста стоимости жизни, часто оказываются еще дальше вытесненными на задворки городских районах, где они иногда живут в еще худших условиях, отрезанные от более широкого сообщества.

Джентрификация является тем важным моментом, где вопросы прав человека пересекаются с вопросами роста городов, архитектуры и пространственной политики. Дусе и др. (2011) исследуют, как джентрификация привело к изменению городских форм Роттердама и Глазго, двух городов, которые прошли через обширные проекты «регенерации», в ходе которых были либерализованы рынки жилья и ставилась цель проведения джентрификации в качестве средства стимулирования экономического роста. Но хотя есть и положительные экономические последствия, однако, «негативные последствия в форме классового конфликта, напряженности и перемещения населения остаются незаметными», а рост в одном регионе может скрыть бедность в другом (Doucet et al 2011, 1451). Имеет место стремление к росту и *созданию богатства* вместо *перераспределения богатства*, а это означает, что «более насущные городские экономические и социальные проблемы безработицы, доступного жилья или устойчивой занятости» остаются нерешенными или даже усугубляются процессами джентрификации (Doucet et al 2011, 1452). Действительно, так это и было в Глазго и Роттердаме, двух городах, которые по-прежнему страдают от драматических проявлений неравенства и перемещения населения, которое сталкивается с бедностью и массовой безработицей. Это влечет за собой последствия для прав тех, кто оказался экономически исключен из городского пространства, поскольку они сталкиваются с возросшими трудностями с доступом к транспорту, возможностям трудоустройства, безопасным условиям и устойчивым жилищным структурам.

В Стокгольме Старе (2004; 71) выявил долговременную географическую закономерность проживания населения в соответствии с «этническими и классовыми линиями», которую оказалось трудно изменить и которая фактически нарастает. Он отмечает, что городская структура Стокгольма переживает в настоящее время трансформацию в результате чего «верхние слои общества захватывают центральные части города» (Stahre, 2004; 71). Это создало ситуацию, в которой люди с низкими доходами сталкиваются с трудностями в поиске подходящего жилья в значительной части городского центра (Stahre, 2004; 71). Это особенно очевидно в случае иммигрантов; самые высокие концентрации лиц иностранного происхождения в Стокгольме зафиксированы в пригородных районах.

Цены на жилье в центре Минска выросли в результате расширения возможностей для частных инвестиций. Хотя частная собственность все еще строго регулируется, на растущем рынке жилья Беларуси начали проявляться признаки приватизации. Все большее внимание к развитию «микрорайонов» (фактически пригород-

ных жилищных кварталов плотной застройки), внесло свой вклад в расширение или разрастание Минска. Как и во многих других городах по всему миру, увеличение расстояний может создавать проблемы в предоставлении услуг, в то числе признанных в качестве прав человека ООН (ООН, 1948), в частности медицинских и некоторых социальных услуг. В результате развития капиталистической динамики, которая ведет к трансформации использования городской среды, в Минске, судя по всему, намечается сдвиг в использовании общественных пространств в сторону большей его интенсивности в пригородных районах.

Все более затрагивая микрорайоны, эта динамика по-видимому также способствует укреплению определенных гендерных норм. Диссертация Анны Кравец (2014) содержит краткий обзор различных этапов развития белорусской архитектуры и дает рекомендации по реконструкции и расширению района Копище. Ее предложения включают в себя идею более согласованным образом сфокусировать внимание на зеленых насаждениях (в том числе взаимосвязанных зеленых зонах), развитию более разветвленной сети велосипедных дорожек и более ориентированных на нужды потребителей разнообразных типов жилья. Хотя это, конечно, положительные предложения, следует отметить, что для эффективной разработки проектов зеленых насаждений и велосипедных дорожек следует принимать во внимание, что эти объекты используются по-разному мужчинами и женщинами. Кризек и др. (2012), используя данные и результаты полевых исследований из США, демонстрируют, что модели езды на велосипеде мужчин и женщин часто существенно различаются в зависимости от того, как спроектированы и поддерживаются в функциональном состоянии велосипедные дорожки. Говоря более конкретно, женщины «отдают предпочтение более безопасным формам велосипедной инфраструктуры ... [в том числе] освещенным дорожкам и асфальтированным обочинам» (Krizek et al 2012). Мужчины и женщины по-разному воспринимают риск (и относятся к нему), и исследования показывают, что на велосипедных дорожках в жилых районах имеют место различные модели их использования мужчинами и женщинами в зависимости от их конструкции и поддержания в исправном состоянии. Кризек и др. также предполагают, что для женщин характерны более высокие показатели пригородного передвижения в свободное время (например, езды на велосипеде и ходьбы), и указывают, что их интересы особенно важно учитывать при проектировании путей и переходов в пределах кварталов.

Иллюстрация 5. Джентрификация: Появление этого роскошного дома в Торонто привело к росту цен на жилье в этом районе.

Практическое упражнение

Обсудить кварталы, где живут и/или выросли студенты. Как долго они там жили? Какие изменения они заметили за это время? Что студенты считают признаками джентрификации?

4.2.2. Справедливое территориальное планирование и участие

Выход в свет книги Айрис Янг «Justice and the Politics of Difference» в 1990 году способствовало критике единого понятия справедливого распределения [благ в обществе], и стало попыткой выявить основополагающие причины несправедливого распределения (Young, 1990). Сделав ценный вклад в изучение социальных аспектов территориального планирования, в том числе расположения мест для деятельности негативного характера в определенных районах и джентрификации, Янг стремились расширить ограниченный спектр видов исключения (эксклюзии), описанный Анри Лефевром в его «The Right to the City». Лефевр был обеспоко-

ен наличием у граждан права быть включенными в процессы принятия решений, наряду с правами на городскую жизнь, «игровой город» и места социализации (Sandercock, 2000). Выйдя за рамки этих рассуждений, Янг рассмотрела диапазон существующих различий помимо тех видов исключения, которые имеют политическую и классовую основу (Sandercock, 2000). Она утверждала, что традиционная концепция справедливого распределения (distributional justice) была излишне сосредоточена на системе распределения, вплоть до того, что социальный контекст, в котором эти события имели место, игнорировался (Schlosberg, 2007). Это социальный контекст может включать в себя участие в принятии решений, касающихся городского развития, доступ к качественному публичному пространству либо планированию мобильности — вопросы, в отношении которых пожилые люди, дети, женщины и меньшинства часто имеют более ограниченные возможности для влияния. Это может относиться к решениям о финансировании создания или обновления некоего парка или, напротив, размещения новых промышленных предприятий либо захоронения отходов.

Что касается этого неравенства, то она отстаивала ту точку зрения, что социальная справедливость «требует не устранения различий, а [создания] институтов, способствующих воспроизводству и уважению, групповых различий без угнетения». (Young, 1990). Янг утверждает, что, хотя осознание процесса распределения и является жизненно важным для достижения социальной справедливости, несправедливость возникает не только за счет неравномерного распределения, но вследствие действия целого ряда факторов (Schlosberg, 2007). Подобно тому, как о многих маргинальных общинах часто забывают в рамках доминирующих нарративов, проблемы городского и человеческого масштабов не всегда могут быть очевидны с точки зрения доминирующих групп. Чтобы смягчить эту проблему, необходим критический взгляд и усилия понять город с других позиций относительно спектра справедливого распределения, которые смогут помочь студентам в переосмыслении своих городов и пространства.

И наконец, Янг была обеспокоена непризнанием «групповых различий» и утверждала, что неравенство в распределении является результатом «социальных структур, культурных представлений и институциональных контекстов» (Schlosberg, 2007), тем самым указывая на необходимость рассмотрения социального неравенства и неравенства по доходам. Здесь важно подчеркнуть, что мигранты, дети, женщины и другие группы сталкиваются с проблемами, связанными с распределением знаний и ресурсов, касающихся планирования и архитектурных знаний, в диспропорциональной степени. Янг признает, что справедливое распределение создает проблемы для социальной справедливости, но, кроме того, модель справедливости должна сосредоточиться на ликвидации институционализированного угнетения и господства, в частности, с учетом тех, для кого «разница» является постоянным источником неравенства (Schlosberg, 2007). Эти нерешенные проблемы остаются очевидными в архитектурной среде, а также в отношении возможностей мобильности и доступа к услугам во многих городах Европы.

Практическое упражнение

1. Определить объект, который производит позитивные внешние эффекты (экстерналии), например парк, общественное пространство, главная улица. Какого рода люди используют данное пространство? Какое социально-экономическое положение эти люди и группы занимают?

2. Определить объект, который производит негативные внешние эффекты (экстерналии), например электростанция, тюрьма, свалка мусора. Есть ли какие-либо жители или предприятия вблизи объекта? Какое социально-экономическое положение эти люди и группы занимают?

4.2.3 Как используются разработанные пространства? Кто их использует?

Базовым способам использования людьми общественных мест и человеческого взаимодействия в них уделяют соответствующее внимание исследования в области социальных основ архитектуры. Книга Уильяма Х. Уайта «The Social Life of Small Urban Spaces» (1980) представляет убедительный пример того, как люди используют социальные пространства, и что еще более важно, как следует изучать людей в общественных местах. Разрабатывая эту тему дальше, ученик Уайта Фред Кент начал проект под названием «Project for Public Spaces», в рамках которого были созданы значительные ресурсы по вопросам разработки и использования общественных пространств, а также разработан ряд мер для проведения оценки общественного пространства. Наконец, книги Яна Гейла «Life Between Buildings» (1987), «Cities for People» (2010), «The Human Scale» (2013) and «How to Study Public Life» (2014) были посвящены прежде всего изучению тех желательных особенностей, которые стимулировали бы людей использовать общественное пространство, проблем в его использовании, и более глубокому описанию того, как следует изучать поведение человека в городских социальных условиях. Наконец, объединив вопросы пространства и гендера, Лёв (2006) утверждает, что «гендер и пространство, в равной степени, являются временным результатом - неизменно временным - процесса атрибуции и договоренности (attribution and arrangement), который одновременно формирует и воспроизводит структуры».

Начиная с микромасштаба какого-либо одного публичного пространства и заканчивая макромасштабом города-региона, обладание правом на город означает нечто больше, чем просто разрешенный доступ к нему. Скорее, оно включает в себя хорошую доступность, независимо от возраста или инвалидности; оно включает в себя чувство безопасности при получении удовольствия от города; и включает в себя способность поделиться своим переживанием города и увидеть это отраженным в нарративе, который поддерживается самим городом. Как утверждал Анри Лефевр (1968), «Право на город являет собой нечто гораздо большее, нежели индивидуальную свободу обладать доступом к городским ресурсам: это право изменить нас самих, изменяя город. Это, кроме того, общее [коллективное], а не индивидуальное право, так как эта трансформация неизбежно зависит от осуществления коллективной власти в отношении изменения процессов урбанизации. Свободу создавать и переделывать наши города и себя самих является, я хочу сказать, одним из самых драгоценных, но и наиболее игнорируемых наших прав человека». Это высказывание подчеркивает множественность способов того, как городские жители могут чувствовать себя включенными или исключенными из города и городской жизни, и то, что на это право влияет разнообразие масштабов, оно также является применимым в различных масштабах.

В последние годы дискуссии об использовании и присвоении гражданского пространства включали также обсуждение возможностей его временного использования. Что касается градостроительства и архитектуры, то был выработан целый ряд акций. Среди них — множество санкционированных акций «Открытые улицы», в

ходе которых улицы закрываются для автомобилей и открываются для всех видов человеческой деятельности - практика, популяризированная в колумбийской Боготе, и в настоящее время распространившаяся по всему миру. Есть также низовые инициативы, такие как «Better Block» и «Neighborland», в рамках которых местные жители предпринимают небольшие действия в окрестностях своих домов, часто в нарушение существующих подзаконных актов, но и для улучшения своих окрестностей. Помимо этих примеров, другие разнообразные акции — от художественных до коммерческих и гражданских — прокатились по городам Европы и всего мира.

В то же время протестные акции, в том числе «Оссиру» и движения «Арабской весны», а также «Евромайдан», овладевали общественными пространствами, пытаясь противостоять властям, как политическим, так и экономическим. Творческое изменение предназначения тех пространств, где концентрировались эти демонстрации, показывает, как нормы их использования для доминирующих или находящихся во власти групп могут быть временно перевернуты. Ярким примером гражданского неповиновения является неоднократное расписывание болгарскими уличными художниками памятника Советской Армии в Софии. Памятник был неоднократно раскрашен и покрыт как серьезными, так и более юмористическими посланиями (BBC, 2014).

Практическое упражнение

- 1) Выберите какое-либо общественное пространство в своем городе. Проанализируйте дизайн этого объекта. Какие виды деятельности поощряются в этом пространстве? Какие — нет? Кто использует данное пространство?

Вставка 2: Теория на практике: Редферн

Важность обеспечения общения, гибкости и взаимодействия между жителями и должностными лицами в рамках архитектурного процесса / процесса планирования подчеркивается соответствующим опытом (Sandercocok, 2000a; 159-166) межкультурного конфликта в квартале Редферн, который расположен в центральной части города Сиднея (Австралия). Этот квартал включал в себя жилой район, известный как «Блок», некогда застроенный в рамках инициативы австралийского правительства по предоставлению представителям аборигенного населения Австралии прав на земельные участки в городах. Данный район пришел в упадок и стал центром наркопотребления и наркоторговли. Расположенная непосредственно по соседству с «Блоком» территория одного из заводов оказалось предназначенной под снос, и местный совет при поддержке консервативной группы белых жителей попытался протолкнуть планы строительства на ее месте парка и полицейского участка. Эти попытки натолкнулись на противодействие местного аборигенного населения и другой группы белых жителей, известной как «Редфернцы за примирение» (РП) и стремящейся к сохранению расового разнообразия в этом районе Сиднея. Уступая оппозиции, совет отозвал свои прежние планы и нанял консультанта по вопросам социального планирования для проведения процесса консультаций с жителями района, которые позволили бы выработать рекомендации относительно генерального плана. Первоначально собранные сведения позволили консультанту предположить, что существовавшая на тот момент вза

имная враждебность была столь острой, что любые усилия по проведению встречи со всеми тремя группами были бы обречены на провал. Она также выяснила, что создание каких-либо моделей или эскизов новой застройки данного района привело бы к ухудшению отношений и ограничению спектра возможных результатов этого проекта. В этих условиях она постаралась выстроить дискурс доверия с каждой из групп еще до приглашения сторон собраться вместе для «высказывания» своих позиций [speak-out], в ходе чего все заинтересованные стороны должны были бы получить возможность высказать свои обиды, «независимо от того, насколько, это задело бы другие стороны». Следует также отметить, что во время «высказывания» позиций никакие альтернативные планы для данного объекта не обсуждались. Таким образом, лишь через несколько месяцев общения каждой из сторон была предоставлена равная возможность обсудить свои надежды и опасения, и удалось добиться «создания безопасного пространства, в котором стороны могли бы встретиться и поговорить, не опасаясь того, что их проигнорируют, на них нападут или их унижат» (Sandercock, 2000a; 161). Высказывание позиций дало старт девяти месяцам дальнейшего обсуждения, в ходе которого был достигнут определенный компромисс. Консервативная группа белых жителей согласилась на то, чтобы на освобождающейся площадке разместились некоторые учебные заведения для аборигенного населения. Таким образом, после нескольких месяцев обсуждения, в результате которого все заинтересованные стороны имели возможность в ходе совместных встреч высказать свои обиды и был налажен общий диалог, удалось достигнуть компромисса. Эти усилия, предпринятые в то время, как данный район сталкивается с постоянно возникающими проблемами, стали рассматриваться как значительный шаг вперед в продвижении этнического разнообразия и взаимопонимания в стране, где это зачастую оказывалось непростой задачей.

Вставка 3: Теория на практике: Ист-Сент-Луис

Ист-Сент-Луис (Sandercock, 2000a; 166-172; Forester, 2000; 119-124) представляет собой хороший пример того, как включение городской общины в процесс планирования и предоставление ей возможности влиять на этот процесс может способствовать расширению доступа общины к финансированию, что впоследствии ведет к увеличению местных доходов и повышению уровня жизни. Начиная с 1960-х годов, этот город особенно сильно пострадал от деиндустриализации, которая охватила промышленные города Соединенных Штатов Америки. Город столкнулся с демографическим спадом, упадком малого бизнеса, высоким уровнем безработицы и сокращением налоговой базы. К 1991 году финансовое положение города стало столь тяжелым, что он был не в состоянии осуществлять сбор мусора в течение шести лет, а оказавшись неспособным выплатить по постановлению суда компенсацию человеку, травмированному в местной тюрьме, город был вынужден передать акт владения на здание мэрии и 250 акров береговой собственности потерпевшей стороне. Вскоре после этого, с участием Университета Иллинойса в Урбана-Шампань (УИУШ), был реализован «Исследовательско-практический проект Ист-Сент-Луиса» (ИППИСЛ), представляющий собой партнерскую инициативу университета и общины. Данная программа сперва потерпела неудачу, однако

смена руководства университетского компонента программы позволила наладить положительные отношения между университетом и общиной. Кен Рирдон, новый сотрудник университета, ответственный за обеспечение взаимодействия с общиной, так описал свою первоначальную роль (Forester, 2000; 122): «Частично моя работа состоит в том, чтобы пробиться сквозь этот первоначальный скептицизм, который выказывают люди». Чтобы противостоять такому отношению, был избран подход, направленный на расширение прав и возможностей и вобравший в себя «принципы и методы исследования действий, основанных на участии, организации непосредственного действия и образования для развития критического сознания» (Sandercock, 2000a; 167). По мере улучшения отношений нарастали и усилия по поощрению локальных инициатив в области развития. В этом процессе лидерам общины была предоставлена возможность реализовать их собственные видения, и это способствовало тому, чтобы все больше членов общины начинало играть все более активные роли в данном проекте. Проект стартовал в 1990 году имея скромный мандат, сводившийся к преобразованию пустыря в игровую площадку за счет привлечения независимых финансовых средств. К 2000 году результатом партнерства, как красноречиво заметил Сэндеркок (2000a; 171), «были планы, привлекшие более \$45 миллионов в виде новых общественных и частных инвестиций в этот опустошенный в свое время район, который еще десять лет тому назад не мог найти и тысячи долларов в виде внешней помощи на обустройство игровой площадки». За это десятилетие произошел процесс обучения, переговоров и, самое главное, расширения возможностей, что привело к обновлению пришедшего в упадок района. В этом случае планировщики работали над тем, чтобы помочь местным жителям — почти исключительно представителям меньшинств — в восстановлении чувства собственности и гордости в отношении их района, тем самым помогая улучшить условия жизни и восстанавливая возможности для развития местного бизнеса и занятости. Лефебр (Lefebvre) бы, наверное, назвал это отличным примером возвращения «права на город» жителям в рамках процесса внимательного и активного планирования

4.3 Дополнительные материалы

Веб-сайт «Architecture in Effect»⁵ является прекрасным ресурсом, включающим в себя перечень интересных актуальных проектов и исследований, проводимых учеными, архитекторами и политиками по всей Швеции. Все эти проекты посвящены изучению тех или иных аспектов человеческого/социального взаимодействия с архитектурной средой. Известные примеры включают полевые исследования Бояна Борича по изменениям архитектурной политики в Кишиневе, эссе Марии Эрлемо о «неолиберальной» и индивидуалистической логике нового городского дизайна в Швеции и текст Сепиде Карамии о городах как пространствах сегрегации и социального сопротивления.

---

5 <http://architectureineffect.se/index.php>

Что касается теорий общественного участия и ангажированности, то на модель коммуникативного действия сильно повлияла работа Хабермаса о коммуникативной рациональности, в первую очередь вышедшая в свет в 1984 году его ведущая книга «Моральное сознание и коммуникативное действие», том I «Разум и рационализм в обществе». Эта теория планирования, основанная на этике дискурса Хабермаса и концепции коммуникативной рациональности как нормативном принципе, впоследствии была использована для оценки и критики существующей интерактивной практики (Healey, 2003b).

В коммуникативной рациональности теоретики планирования выделили хабермасовское понятие идеальной речевой ситуации, в которой не имеет места господства в какой-либо форме, но которая дает всем заинтересованным сторонам равные возможности для развития и отстаивания своих аргументов, и самое главное, обеспечивает равные условия, чтобы их аргументы были приняты на основе их вескости (Sager, 1994). Соответственно, Хабермас утверждает, что межличностные коммуникативные действия включают в себя «нормативное суждение» относительно того, что отношения происходят в рамках стремления к «понятности, искренности, законности и правде». (Healey, 2003a) Ставя задачу обеспечить равные возможности для всех заинтересованных сторон, модель коммуникативного действия стремится к тому, чтобы те, чье мнение традиционно игнорировалось, в первую очередь, меньшинства и лица с низкими доходами, получили те же возможности добиться, чтобы их голоса были услышаны в данном процессе, которыми обладают более сильные участники, тем самым помогая укреплению социальной справедливости.

Хотя модель планирования, основанная на коммуникативном действии, была создана главным образом на основе работ немногих теоретиков, разработку концепции справедливого города можно приписать ряду мыслителей. Модель справедливого города и более широкое движение за экологическую справедливость берут свое начало из работы Платона, в частности его исследования справедливости и государственного управления в диалоге «Государство». В более недавнее время, и более применимо к современной ситуации новый импульс данной области придала влиятельная книга Джона Роулза «Теория справедливости», вышедшая в 1971 году. В этой работе Роулз определяет справедливость как «стандарт, посредством которого должны оцениваться распределительные аспекты базовой структуры общества», и это, по словам Роулза, означает, что справедливость может быть описана как «надлежащее разделение социальных преимуществ» (Rawls, 1971). Развивая свою теорию справедливости, Роулз занимается определением того, каким образом может быть сформулирована «правовая» теория справедливости. Это, утверждает он, возможно только путем принятия гипотетического «исходного положения», когда практикующие принимают «покров неведения», в рамках которого они не имеют никакого понятия о своих сильных и слабых сторонах, и таким образом создают для себя непредвзятую позицию (Rawls, 1971). На этой основе может быть дано определение справедливому распределению (distributive justice), центральному принципу движения за экологическую справедливость. В этом случае предполагается, что справедливость заключается в том, чтобы обеспечить всех членов общества одинаковыми политическими правами, а распределение экономического и социального неравенства должны служить во благо всех и каждого, в том числе тех, кто живет в минимальном достатке, и тем самым справедливость приравнивается к справедливому распределению (Schlosberg, 2007).

На основе этой работы социолог-урбанист Роберт Баллард попытался дать определение движению за экологическую справедливость, сделав акцент на расу, цвет кожи, этническую принадлежность и класс; и к которому Дорсета Тейлор прибавила гендер (Bradley, 2009). Кроме того, он сосредоточился на нынешних условиях жизни людей, а это, учитывая, что более половины населения земного шара живет в городской среде (UN Habitat, 2009), означает для него необходимость принципиально городского фокуса (Bradley, 2009). Он кратко определяет движение за экологическую справедливость, как:

«Экологическая философия и принятие решений в отношении вопросов экологического характера часто оказывались неспособны решить вопрос справедливости - кто должен получить помощь, а кто - нет; кто может себе позволить оказать помощь другим, а кто - нет; [...] почему промышленность отравляет одни общины, а другие - нет; почему некоторые загрязненные общины могут добиться устранения последствий загрязнения, а другие — нет ; и почему некоторые общины защищены, а другие - нет. [...] Низовое движение за экологическую справедливость [...] стремится уничтожить идеологические шоры, которые не замечают расизма и классовой эксплуатации в принятии решений экологического характера». (Bullard, 1993; 206 referred to in Bradley, 2009; 53)

При подготовке к проведению анализа на месте, работы Санчес де Мадариага и Робертса (2013), Йекеля и ван Дельдермальсен (2006), Сервона (2005), наряду с известной работой Геля по дизайну и человеческому измерению (1987, 2010), обеспечат студентов ясной исходной платформой для применения этих перспектив. Решая эти задачи, студенты смогут углубить свое понимание процесса проектирования и обогатить его новыми ценными аспектами. Полные библиографические ссылки на эти текстам можно отыскать в списке литературы.

4.4 Справочные материалы к разделу по социальным основам архитектурного проектирования

Arnstein, Sherry. (1969) A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Planning Association*: 35.4, p. 216-224.

Barykina, N. (2008) Architecture and Spatial Practices in Post-Communist Minsk: Urban Space under Authoritarian Control. *Spaces of Identity* 8(2). Available at: < <http://pi.library.yorku.ca/ojs/index.php/soi/article/view/18121/16893>>.

BBC (2014). *Bulgaria Soviet Monument in Sofia gets Ukraine Twist*. February 25th, 2014. Available at: <http://www.bbc.com/news/world-europe-26346901>

Boym, S. (1994) *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.

Canet, Raphael, Laurent Pech and Maura Stewart (2009) Frances Burning Issue: Understanding the Urban Riots of November 2005. *Riot: Resistance and Rebellion in Britain and France. 1381 to Present* (B. Bowden and M. David, eds.). London: Palgrave.

- Dalsgaard, Andreas (Director) (2013) *The Human Scale*. Producer: Gehl, Jan.
- Forester, John. (1989) *Planning in the Face of Power*. Los Angeles, Ca: University of California Press.
- Gehl, Jan. (1987) *Life Between Buildings*. Washington: Island Press.
- Gehl, Jan. (2010) *Cities for People*. Washington: Island Press
- Gehl, Jan and Birgitte Svarre. (2014) *How to Study Public Life*. Washington, DC: Island Press.
- Harvey, D (2008), The Right to the City, *New Left Review*, 53, September October, pp. 23-40.
- Horwitt, Sanford D. (1989) *Let Them Call Me Rebel: Saul Alinsky – His Life and Legacy*. New York City: Knopf Doubleday Publishing.
- Jacobs, Jane. (1961) *The Death and Life of Great American Cities*. New York City: Random House.
- Jaeckel, M and M van Deldermalsen. (2006) Gender Equality and Urban Development: Building Better Communities for All. *Global Urban Development: 2.1*.
- Kravec, A. (2014) ‘Mass Customization: A New Approach in Sustainable Residential Development’. Uppsala, Sweden. Master degree project. Available at: <http://issuu.com/annakravec/docs/anna_kravec_booklet>.
- Krizek, K. J., Johnson, P. J., & Tilahun, N. (2005) ‘Gender differences in bicycling behavior and facility preferences’. *Research on Women’s Issues in Transportation 2*, 31-40.
- Moore, Cerwyn. (2010) Ambivalent Architectures: Violence in Public Places. *Borderlands. 9.2*.
- Neighborland: <https://neighborland.com/>.
- Open Streets Project: <http://openstreetsproject.org/>
- Project for Public Spaces: <http://www.pps.org/>
- Rebel Architecture* (Television Series). (2014) Al Jazeera. Available online at: https://www.youtube.com/results?search_query=rebel+architecture
- Sánchez de Madariaga, Inés and Marion Roberts (eds). (2013) *Fair Shared Cities: The Impact of Gender Planning in Europe*. Surrey: Ashgate.
- Sandercock, Leonie. (1998a) *Towards Cosmopolis: Planning for Multicultural Cities*. London: John Wiley.
- Sandercock, L. (1998b) Framing insurgent historiographies for planning, in: L. Sandercock (Ed.), *Making the Invisible Visible: A Multicultural Planning History*, pp. 2–33. (Berkeley Los Angeles, CA: University of California Press).

- Sandercock, Leonie (2000) *Cities of (In)Difference and the Challenge for Planning*. DISP 140, p. 7-15.
- Sandercock, Leonie (2003) *Cosmopolis II: Mongrel Cities*. New York: Continuum
- Servon, Lisa (2005) *Gender and Planning*. New Jersey: Rutgers University Press.
- Stahre, Ulf. (2004) City in Change: Globalization, Local Politics and Urban Movements in Contemporary Stockholm. *International Journal of Urban and Regional Research*: 28.1, p. 68-85.
- Whyte, William H. (1980) *The Social Life of Small Urban Spaces*. Ann Arbor: Edwards Brothers, Inc.

NORDREGIO
Nordic Centre for Spatial Development

SOCIAL ISSUES AND GENDER PERSPECTIVES IN URBAN STUDIES

AUTHORS (IN ALPHABETICAL ORDER):

ASLI TEPECİK DIŞ, CHRISTIAN DYMÉN, MITCHELL
REARDON AND TIMOTHY ANDERSON

2014

RAOUL WALLENBERG INSTITUTE

OF HUMAN RIGHTS AND HUMANITARIAN LAW

Preparation of this publication is organized by Raoul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law within the framework of academic cooperation with the Belarusian State University and other institutions of higher education in Belarus with the financial support of the Swedish Government through the Swedish International Development Cooperation Agency (Sida). The views expressed in this publication are the thoughts and opinions of the authors and do not necessarily reflect the views of the Institute or Sida.

The purpose of these recommendations is to assist teachers with a theoretical background, teaching methods and reference material on the interactions between social issues, gender and urban planning by emphasizing their relevance and importance in achieving more inclusive and accessible cities.

This document includes original text in English and its translation in Russian.

TABLE OF CONTENTS

1. INTRODUCTION: Background and context for this study	5
1.1 The problem of gender-neutral urban environments and its relevance to architects and urban planners	5
1.2 The Approach to the Recommendations	5
1.3 Urban planning context in Belarus	6
1.4 International standards on human rights and gender equality	6
1.5 References for Introduction	7
2. THEORY OF ARCHITECTURE	8
2.1 Looking at urban planning through the lenses of gender and intersectionality	8
2.2 Gender and urban planning	9
2.3 Example of frameworks to investigate how urban plans and planning processes are shaped by factors such as gender, ethnicity, class, etc.	9
2.4 Gender frameworks	9
2.5 Intersectionality	11
2.6 References for Theory and Architecture	12
2.7 Further examples of reading and guidelines to include a gender perspective in planning	13
3. ARCHITECTURAL & URBAN DESIGN	14
3.1 Theoretical Introduction & Relevant Issues:	14
3.2 Teaching Methods & Examples:	15
3.2.1 <i>Planning for gender in residential areas</i>	16
3.2.2 <i>Industrial design and the working environment</i>	18
3.2.3 <i>Differing experiences of green spaces and urban landscapes</i>	18
3.3 Additional Materials:	20
3.4 References for Architectural and Urban Design	20
4. SOCIAL FOUNDATIONS OF ARCHITECTURE	22
4.1 Theoretical Introduction & Relevant Issues:	22
4.2 Teaching Methods & Examples:	23
4.2.1 <i>Gentrification</i>	24
4.2.2 <i>Just Spatial Planning and Participation</i>	26
4.2.3 <i>How are spaces designed and used? Who uses them?</i>	27
4.3 Additional Materials:	30
4.4 References for Social Foundations of Architecture	31

List of tables

Masculine and feminine values and perspectives in planning processes	11
--	----

List of boxes

Compacting Stockholm: A top-down perspective?	12
Theory in Practice-Redfern	28
Theory in Practice-East St. Louis	29

Images

Pedestrian walkways in Regina, Canada	17
Wide boulevards in Minsk	17
An underground pedestrian tunnel in Montreal, Canada	19
An underground tunnel in Minsk	20
An example of gentrification in Toronto	25

1. INTRODUCTION: BACKGROUND AND CONTEXT FOR THIS STUDY

1.1 The problem of gender-neutral urban environments and its relevance to architects and urban planners

The Raoul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law (RWI) has started an academic cooperation with Belarusian Universities; namely, the Faculty of International Relations at Belarusian State University (BSU), Belarusian State Economic University (BSEU) and Belarusian National Technical University (BNTU).

Locating the study of gender and the planning system with an understanding of the links between the planning process and the human rights has been recognized as important by the BNTU. In this connection, RWI in cooperation with BNTU has tasked Nordregio (Nordic Center for Spatial Development) with providing guidance on how to include human rights and gender perspectives in urban planning in their specified courses. Based on the brief discussion with BNTU teachers, Nordregio elaborated on the most relevant issues with regards to mainstreaming human rights and gender perspectives in urban planning within the courses on Architectural and Urban Design, Social Foundations of Architecture and Theory of Architecture.

The purpose of these recommendations is to assist teachers at the BNTU with a theoretical background, teaching methods and reference material on the interactions between human rights, gender and urban planning by emphasizing their relevance and importance in achieving more inclusive and accessible cities.

Setting up educational programs and courses to create cities that are inclusive and respect the rights of all people to live, work and move around without fear or difficulty is essential for socially, environmentally and economically sustainable urban environments. Therefore, the objective with these recommendations is to draw attention to the significance of the inclusion of human rights issues in urban planning and, more specifically, to generate interest in the further study of gender mainstreaming in relation to human rights and urban planning.

1.2 The Approach to the Recommendations

In this study, we structured our recommendations around the most important human rights issues of relevance for each course. First we carried out a background study on the urban planning context in Belarus based on the most recent literature available in English. This background study laid down the foundations for understanding the urban development history of Belarus. Departing from this background study and the international discourse that address the interactions between human rights, gender and urban planning, we identified examples, cases, and other relevant up-to-date materials to be used by the teachers as an input for the courses. We were also in touch with academics at the Royal Institute of Technology in Stockholm, and were able to conduct interviews with two professors in architecture at the Institute (Helene Frichot and Bojan Boric). This study aimed to be exhaustive in the subject matter- however, due to time constraints, it was limited to the most immediate issues of relevance identified in the literature.

In terms of our approach to the recommendations for each course, the structure incorporates an introduction to the subject that is expanded based on the international discourse on the most pressing issues of relevance for the respective course. Significant ideas are then presented to be used as teaching methods with examples from the literature. In the final section, reference materials are provided for further reading.

1.3 Urban planning context in Belarus

Anna Kravec's thesis (2014) (provided to us by RWI, also cited in the reference list) provides a good illustration of how architecture in Minsk has changed throughout the 20th century. After Soviet realism (wide squares, imposing state buildings, monuments to Soviet figures) dominated the Stalin era, architectural practices increasingly aimed for dense, low-cost housing districts that could efficiently house Russian and Belarusian workers. Shared public space was also included in some district plans, particularly in the Krushev era.

The utilitarian, concrete tower blocks that the Soviet Union is most associated with have indeed dominated Belarusian architecture and planning. These housing districts display many of the qualities (high density, reliable public transport links, clear urban edges) that are desirable for sustainable urban developments today (Hirt & Stanilov 2009, 44). On this theme, Stefan Eriksson, the Swedish Ambassador to Belarus, has noted that "Belarus is probably the only former Soviet republic that has preserved and maintained Soviet urban planning and building traditions" (Färgfabriken 2011, 18).

There is also a shortage of public housing in Minsk. State support for housing construction has been shrinking year-on-year, and at present more than 87% of housing in Minsk is privately owned (Belarus in Focus: <http://belarusinfofocus.info/p/5913>). Despite this, 90% of housing is still constructed by the state (even if it is not state-owned) (Färgfabriken 2011, 59). Vadim Drazhin, a member of the Belarusian Union of Architects Board, notes that there remains a major disconnect between the state and the private market, leading to a situation where new micro districts "lack in services and social infrastructure" (Färgfabriken 2011, 59).

In sum, Belarus is a country that has remained highly centralized and has retained late Soviet-style planning policies and architectural practices.

1.4 International standards on human rights and gender equality

While it is hard to find 'definitive' or uncontroversial standards for human rights, two of the most commonly cited human rights documents are the UN Universal Declaration of Human Rights (UDHR) (1948) and the European Convention on Human Rights (ECHR) (1950). These can apply to design and the built environment in a number of ways.

Relevant international standards on human rights: (from UN, Article 25) *"(1) Everyone has the right to a standard of living adequate for the health and well-being of himself and of his family, including food, clothing, housing and medical care and necessary social services, and the right to security in the event of unemployment, sickness, disability, widowhood, old age or other lack of livelihood in circumstances beyond his control."*

From the European Commission (2014): “*At the international level, the equality of rights between men and women, based on the principles of non-discrimination and equality, is proclaimed by the two United Nations Covenants of 1966, and protected notably by the United Nations Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women of 1979. Both the United Nations and the Council of Europe undertake many actions to eliminate discrimination against women, to improve conditions for women and to ensure equality between men and women. The principle of non-discrimination on grounds of sex, which is contained in all texts on the protection of human rights, is set out in article 21 of the Charter.*”

Equality between men and women in areas involving work was envisaged very early on at the Community level: equal pay, equality of access to work, equal working conditions, etc. Article 23 expressly reaffirms these principles (section 1), but aims equality between Men and Women “in any circumstances”, and is also based on the provisions of the treaty which establish the promotion of equality between men and women as a general objective of the European Community. Section 2 authorises derogation from the principle of equality in the case of “positive discrimination” measures.” (European Commission, 2014)

Relevant human rights issues can be stated as employment, equality, safety, women’s rights, freedom of movement, freedom of expression

Buildings, architecture, design and access to public transportation have basic consequences for how residents can move, access services, find employment, feel safe, express themselves, have privacy, and generally achieve quality of life. Improving the design and location of buildings, urban public and green space, public transport, stations and the lighting would contribute to people’s feeling of safety and to a more sustainable and inclusive mobility. We will now elaborate on the relevant human rights and gender issues above in relation to urban planning in the following courses: Theory of Architecture, Architectural and Urban Design, and Social Foundations of Architecture.

1.5 References for Introduction

European Commission (1950, retrieved 2014) ‘European Convention on Human Rights.’ Available at: < http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf >. More information also available at: http://europa.eu/pol/rights/index_en.htm.

Färgfabriken (2011) *New Urban Typologies: The Chisinau and Minsk Experience*. Available at: <http://www.fargfabriken.se/en/component/k2/item/804>.

Hirt, S., & Stanilov, K. (2009) Revisiting urban planning in the transitional countries. *Unpublished regional study prepared for the Global Report on Human Settlements*.

Kravec, A. (2014) ‘Mass Customization: A New Approach in Sustainable Residential Development’. Uppsala, Sweden. Master degree project. Available at: <http://issuu.com/annakravec/docs/anna_kravec_booklet>.

United Nations (1948, retrieved 2014) ‘Universal Declaration of Human Rights’. Available at: <http://www.un.org/en/documents/udhr>.

2. THEORY OF ARCHITECTURE

2.1 Looking at urban planning through the lenses of gender and intersectionality

Adding a *gender and intersectional perspective* to the *Theory of Architecture* course can contribute to the following goals: “*Implant in students a constant need for theoretical conceptualisation of any activities related to the human environment formation and show students how to use the knowledge obtained to assess the social value of any established architectural facilities or those under design: buildings, structures or urban planning and landscape architecture facilities.*”

In considering the *experiences* of women and men with different backgrounds, urban environments can potentially be better adapted according to the everyday life experiences of different groups of people. The focus on *experiences* indicates that women’s ‘traditional’ way of life with responsibility for reproductive work have to be accounted for in planning for urban environments. However, it does not necessarily mean that society strives for gender differences between productive and reproductive work. Larsson (2006) argues that “when it comes to discussions of gender such an approach easily allocates needs into some biological characteristics of men or women. Only a few biological differences, such as differences in physical strength, are relevant for planning and should be taken into account, for instance when discussing safety and security in public space” (Larsson, p 510).

Within the realm of post-Soviet architecture, urban planning mostly deals with the *structure* of cities, designating functional zones and shaping the urban morphology. Even though planning in Belarus builds on the values from the Soviet Union, with the goal of realizing creation of space for impersonal user with no difference whether they are male or female, there are certain patriarchal values inherent in society, leading to the gendered use of space. “It is not surprising that women and men use and experience urban environments differently. Given today’s gender roles, women still have greater responsibility for the so-called reproductive activities, such as child care, care of the elderly and household chores – activities often limited to the private sphere” (Dymén and Ceccato, 2012, pp 311-312). Planners need to ask questions such as – how are the relations between men and women formed today, and how are they likely to be formed in the future? To make such inquiries requires an increased awareness of the different experiences of everyday life within the city, rather than a focus on ‘needs’ (Larsson 2006). By referring to needs, one assumes that differences between men and women will remain static in the future, while focusing on experiences indicates that the future can change.

Hence, there is a spatial connection between how the experiences of gender have shaped the design of our built environment, the location of places in which we put meaning, the ways we organize our daily routines, and the ways we work and travel. If we take the city life as a key scale to perceive the meaning of gendered spaces, it would allow us to see how gender is experienced and constituted in the ways we live, work and travel. Many examples are pointed out by researchers (cf. Polk, M. 2004, Uteng & Cresswell 2008) regarding the gendered patterns and gendered uses of space, especially in relation to transport. For instance, women make more multifaceted journeys than men by travelling to day care, school, work, and shops (Greed, 2005).

2.2 Gender and urban planning

There are certain patterns arising from gender differences in the use of space; however, spatial planning policy has a tendency to overlook the fact that men and women use public space differently. Many researchers reflect upon the fact that the urban and suburban spaces are designed in a way to support the male activities and also criticize planning methodologies that mirror a male-dominated society (cf. Greed, 2005, Fainstein et.al 2005, p.125-135).

In terms of spatial planning and gender interactions in the UK context, EU requirements have led to gender mainstreaming becoming an obligation. This gave a momentum for the Royal Town Planning Institute (RTPI) to conduct a research on to which extent local planning authorities take gender equality into account (cf. Greed, 2003a,b). The research resulted in the development of a 'Toolkit' that would allow planners to mainstream gender into their policy-making activities (cf. Reeves and Greed, 2003; Greed, 2003a).

Based on the Toolkit, the RTPI noted the importance of the gender concept in developing a socially comprehensive approach to spatial planning with the RTPI Good Practice Note 7 on Gender and Spatial Planning published in 2007. The Good Practice Note further highlights the gender issues that planning policy and practice should address and points out some of the problems that arise from gender-insensitive planning. The note argues that gender has made an impact on the design of spaces where people live and work. It further explains that the differences in everyday life experiences of women and men have implications for all pillars of spatial planning and the design of the built environment. It has been mostly women who experience disadvantageous situations within a built environment that has often been developed with little reference according to their experiences.

2.3 Example of frameworks to investigate how urban plans and planning processes are shaped by factors such as gender, ethnicity, class, etc.

A task for students could be to carefully read urban plans and categorise the content based on the following frameworks (following up on the references would be needed for a detailed understanding).

2.4 Gender frameworks

The concept of 'gender' is perceived to be a cultural term weighing the discrete roles attributed to men and to women, in terms of societal responsibilities, experiences and expectations (Greed, 2005). A *gender perspective* recognizes that the responsibilities and experiences of women are different from those of men; men and women use space differently both in the home and out in the built environment (ibid.). A gender perspective gives students the ability to step back and question the socially constructed roles of genders in the spaces of living and working that routinely intertwine the life experiences of men and women.

In order to understand why this gender aspect needs to be taken into account in urban planning, it is essential to understand how the use of spaces is gendered and why certain patterns emerge as a result of gender-specific approaches. Certainly, not everyone in the society is living according to the gendered roles in their daily lives in any kind of noticeable way, but when a particular behavior is noticed by some individual, it is natural to state that

the individual is behaving according to a concept of gender that is coming from the socially constructed roles of the past. In that sense, the link between gender and the usage of space is formed by a field of relations deriving from daily activities of genders (Greed, C. 2006:186) which have evolved through time.

Incorporating a gender perspective implies that the planner is aware of and responsive to the understanding that women and men have different experiences of everyday life, and that these experiences arise due to power structures that generally subordinate women. By ascribing certain values and perspectives to sex, they become gendered. Arora-Jonsson (2013) states that,

. . . the allocation of distinctive attributes on the basis of sex/sexuality is a doing of gender. Gender differences between the sexes may thus be understood not as the natural order of things, but historically, culturally and socially created. Sexual differences play an important role in organizing social relationships and differences in power (p. 31).

However, it is important at this stage to emphasize that even though spatial planning includes many professional female planners, it does not mean that values and perspectives that traditionally have been ascribed to women are necessarily emphasized.

Kurian (2000) has developed a framework of so-called feminine and masculine values and perspectives, or pairs of attributes, to adopt a gender perspective in evaluating environmental impact assessments within the World Bank. These are the kinds of values and perspectives that historically, culturally and socially have been ascribed to men and women. One such pair is *technical and economic rationality* (masculine attribute) versus *political and social rationality* (feminine attribute). In other words, masculinity in this framework is associated with maximizing individual profit, whereas femininity is associated with the rationality of interpersonal relations and the rationality of decision-making within a standard of discussion and decision (p. 28). Another pair of attributes is the masculine attribute where the *main focus is development defined as economic growth* versus the feminine attribute where the *main focus is sustaining way of life (subsistence and survival of the family)*. In other words, masculinity is associated with the greatest good for the greatest number, where the efficient achievement of economic growth necessitates that nature and culture are seen as a commodities. Femininity on the other hand is associated with subsistence and survival of the family, which is dependent on availability and sustenance of nature and culture (p. 29).

The following framework can be used by students and professional planners to assess if planning adopts masculine or feminine values and perspectives (or both). The purpose with the framework is not to categorise women and men but rather to identify power dimensions in the corridors of planning. The masculine values and perspectives tend to dominate in planning. By shedding light on these practices, the planner becomes aware that also the feminine values and perspectives should be emphasised to achieve diversified and comprehensive plans.

Table 1: Masculine and feminine values and perspectives in planning processes

Masculine attributes	Feminine attributes
Gender perceptions on the environment	
1. Main focus is development defined as economic growth	1. Main focus is sustaining way of life
2. Sees nature and humans as separate	2. Sees humans as part of nature
3. Ignores the significance of culture, cultural norms and preservation	3. Stresses cultural norms, values and preservation
4. Technical and economic rationality	4. Political and social rationality
5. Stresses hard sciences, quantitative techniques	5. Stresses the social sciences, values
6. Focuses planning as a rational process	6. Focuses planning as communication
7. Gender-dependent differences in the population's experiences related to climate change are not highly considered	7. Acknowledges gender-dependant differences in the population's experiences related to climate change

Source: Kurian (2000) and Dymén et al. (2014)

2.5 Intersectionality

In an attempt to add dimensions to gender as an analytical tool, *intersectionality* may be relevant. Intersectionality develops the understanding of gender, ethnicity, and class in relation to urban planning. It is a critique to western feminism and the simplified approach to understanding gender equality. An intersectional perspective contributes to understanding and reflecting on how ethnicity, class and gender, in interaction, contribute to inequality. Adopting an intersectional perspective in research and urban planning can be about answering the following questions:

- Which social categories, if any, are represented in the empirical material? Which social categories are absent? Are there any observable explicit or implicit assumptions about social categories and about relations between social categories? What identities are promoted and considered to serve as grounds for political action? Are any other aspects of identity neglected or deemed insignificant?
- How are relations between humans and between humans and the environment portrayed? How is nature represented? What type of environmental knowledge is recognised and privileged?
- Are any norms for behaviour discernible in the material? Are there norms about the relation to other humans, resources, and nature? What are the norms that set the standards for a 'good life'? How are these norms reproduced, reinforced, or challenged? How are they reflected in institutional practices? (Kaijser and Kronsell, 2013, p. 13-14)

To exemplify the above mentioned framework the following case from Stockholm shows how urban planners in their planning activities make several assumptions about how different groups of people live their lives and how they prefer to live their life.

Compacting Stockholm: A top-down perspective?

Bradley (2009a), in her research, learns from interviews with spatial planners in Stockholm that the idea of building a continuous urban structure and the idea of the compact city come from a top-down perspective. The planners have the norm of the inner-city in their minds, which they try to apply to the suburbs as well. In interviews with residents in less affluent suburbs, the message is that the inner-city norms are not always ideal and desired in these areas (ibid.). For example, residents in Tensta (suburb in Stockholm) in fact appreciate traffic separation and the green spaces between houses (Bradley, 2009b).

Bradley's interviews with planners in Stockholm also show that the driving forces of the compact city are rather economic than environmental and that from an ecologically motivated argument a lot of contradictions can be found. "Several assumptions about causes and effects in this strategy can be questioned", one planner pointed out. This particularly regards the assumption that densification and additional fine-meshed transport networks will lead to more vivid urban life and greater use of public transportation. According to the same planner, the densification of suburbs such as Tensta and Spånga may result in a combination of the negative aspects of the inner city (noise, traffic, a lack of light, fresh air and greenery) with the negative aspects of the suburbs (lack of public spaces and vivid public life, and long distances to cultural, commercial and service facilities" (p. 242).

2.6 References for Theory and Architecture

Arora-Jonsson, S. (2013). *Gender, Development and Environmental Governance. Theorizing Connections*. New York: Routledge

Bradley, K., (2009a). Planning for eco-friendly living in diverse societies. *Local Environment*, 14 (4), 347–363.

Bradley, K., (2009b) *Just environments. Politicising sustainable urban development* (doctoral thesis). KTH

Dymén, C., Langlais, R., & Cars, G. (2014) [Engendering Climate Change: The Swedish Experience of a Global Citizens Consultation](#). *Journal of Environmental Policy & Planning*, 16:2

Kaijser, A., & Kronsell, A (2013) Climate change through the lense of intersectionality. *Environmental Politics*

Dymén, C., & Ceccato, V. (2012). An international perspective of the gender dimension in

- planning for urban safety. In V. Ceccato (Ed.), *Urban fabric of crime and fear* (pp. 311-339). Springer Science.
- Fainstein, S.S. and Servon, L.J. (2005) *Gender and Planning: A Reader*. Rutgers University Press.
- Greed, C. (Ed.) (2003a). Report on Gender Auditing and Mainstreaming: Incorporating case studies and pilots, Research Report edited by C.Greed, with L. Davies, C. Brown and S. Dühr, Royal Town Planning Institute, London.
- Greed, C. (Ed.). (2003b) *The Rocky Path from Women and Planning to Gender Mainstreaming*, Occasional Paper 14, Faculty of the Built Environment. University of the West of England, Bristol.
- Greed, C. (2005) An investigation of the effectiveness of gender mainstreaming as a means of integrating the needs of women and men into spatial planning in the United Kingdom. *Progress in Planning*, 64, p. 243–321.
- Greed, C. (2006) Institutional and Conceptual Barriers to the Adoption of Gender Mainstreaming Within Spatial Planning Departments in England. *Planning Theory & Practice*, 7, 2, p. 179–197.
- Kurian, A.K. (2000). *Engendering the environment? Gender in the World Bank's environmental policies*. Aldershot, England: Ashgate
- Larsson, A (2006) From equal opportunities to gender awareness in strategic spatial planning Reflections based on Swedish experiences. *TPR*, 77 (5) 2006
- Polk, M., (2004) The influence of gender on daily car use and on willingness to reduce car use in Sweden, *Journal of Transport geography*, Vol 12, Issue 3, p. 185-195.
- Uteng, T. P. & Creswell, T. eds. (2008) *Gendered Mobilities*, Ashgate Publishing, London.
- Royal town Planning Institute (2003) *Gender Equality and Plan Making*.
- The Gender Mainstreaming Toolkit, Available at: <http://www.rtpi.org.uk/media/6338/GenderEquality-PlanMaking.pdf> {Retrieved on 2014-10-30}

2.7 Further examples of reading and guidelines to include a gender perspective in planning

- Anthony, K.H., (2001). *Designing for diversity: Gender, race and ethnicity in the architectural profession*. Urbana: University of Illinois Press.
- Commission for Architecture and the Built Environment, UK (2008) *Inclusion by design. Equality, diversity and the built environment*.
- European Forum for Urban Safety (EFUS) (2007) *Guidance on Local Safety Audits: A Compendium of International Practice*

- Greed, C (2006) Making the divided city whole: Mainstreaming gender into planning in the United Kingdom. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 97:3, pp. 267–280.
- Greed, C. (2002) Report on gender auditing and mainstreaming Incorporating case studies and pilots. Royal Town planning institute: UK
- Lång, S. (2010). A gender perspective on educational facilities: OECD, Available at: <http://www.oecd.org/education/innovation-education/centreforeffectivelearningenvironments-cele/45566604.pdf> {Retrieved on 2014-10-30}
- Whitzman, C (2008) The Handbook of Community Safety, Gender and Violence Prevention Practical Planning Tools. Earthscan.
- Travers, K., Ballu, S., Danmeri, F., Guajardo Garcia, C., Idriss, M., Kramer J.& Virgin, M. (2002) *Women's safety a shared global concern. Compendium of practices and policies*. International Centre for the Prevention of Crime
- Witzman, C. (2007) *The Loneliness of the Long-distance Runner: Long-term Feminist Planning Initiatives in London, Melbourne, Montreal and Toronto*. Planning Theory & Practice, 8:2, pp. 205–227.
- Women's Initiatives for Safer Environments (2005) *Women's community safety audit guide: Safety for Women, Safety for Everyone, Let's Act on it*. Canada.

3. ARCHITECTURAL & URBAN DESIGN

3.1 Theoretical Introduction & Relevant Issues:

How does the *design* of a city change how people perceive it and interact with it? Spaces and structures are inescapably political, and the methods of their construction have implications for how people of different genders and backgrounds interact with them. Different types of spaces are also utilized in a variety of ways, and can come to represent specific values and experiences for social groups. When creating and drawing up architectural designs, it is important to keep these factors in mind. Some issues can be clearly observed- for example, the fact that some public spaces are far less safe for women than men due to their design. Other problems can be more subtle and difficult to account for- the locations of particular structures can change access to places of employment, daycare centers, and consumer/service opportunities. Despite recent accomplishments for women's rights and gender equality throughout much of the world, gender "continues to play an important role in explaining travel, housing, and labor market dynamics, with major implications for planning practice" (Crane 2007, 298). Gender issues relating to architectural engineering and design are also inextricably linked with human rights issues such as employment, women's rights, equality, safety, freedom of movement, and freedom of expression. These are all outlined within the UDHR, as discussed in the introduction to this report.

The everyday life experiences of women and men have implications for all pillars of urban planning and the design of the built environment. Given that these fields have been traditionally controlled by men whose socioeconomic backgrounds reflect those of the dominant majority, the needs of women and marginalized groups have often been overlooked, leading to gender inequality in the built form. Marginalized groups, such as those of very low socioeconomic status (e.g., the homeless), immigrants and children, as well as women, are frequently exposed to disadvantageous situations within a built environment that has rarely been developed with reference to their needs. Moreover, in many parts of the world, homes and housing services have traditionally been set up with a certain “gender blindness”, as they “do not recognize and make provision for the particular needs and priorities of women for income-earning, childrearing and household management, and community-level action and management” (United Nations 1996, 34).

It is also worth noting that, within Europe, “women comprise the majority of many minority groupings, as in the case of the elderly, people with disabilities, and those dependent on public transport” (Greed 2008, 244). Women are thus disproportionately affected by planning problems- inadequate transport, unsafe public spaces, and poor housing quality all put women (and other minorities) at a greater risk than men. Planning and designing for disability within the built environment is also a major concern throughout much of Europe, and this is compounded by a traditional assumption among many architects that “all sections of the community want the environment to do the same things for them” (Imrie 1998, 131). This thought process is at the core of ‘ableism’, which is an (often unconscious) discrimination against those who are physically disabled and cannot access many buildings and urban spaces. Miller & Albert (2005) argue that ‘mainstreaming disability’ within development can (and should) become a policy goal in the same way that gender mainstreaming has within the field. There remain, however, “significant gaps” in disability mainstreaming, and communication between planners, architects, and public organizations on the issue is painfully inadequate (Miller & Albert 2005, 49).

Architecture as a discipline and field of study has long been concerned with a duality that echoes common stereotypes of gender characteristics (certain structures may, for example, be said to embody ‘masculine/practical’ or ‘decorative/feminine’). In more practical terms, this means that constructions and designs, far from being simply neutral, decorative, or functional, are imbued with social meanings and understandings of human interaction that can be analyzed through the lenses of feminism and gender mainstreaming. This is important because there is a need to move away from the common understanding of architectural design as a ‘neutral’ field with objective values.

3.2 Teaching Methods & Examples:

The biases of planning, design and architecture may not be immediately evident, but by applying a critical lens to the cities around them, students can be confronted by these challenges, which are often hidden in plain sight. To recognize sites, spaces and places that inherently favour dominant groups, students can make independent excursions into the city and identify specific locations within their city that they feel may have such characteristics. By taking photographs during this excursion and writing a short analysis of how a particular site may be disadvantageous to a specific group, the students are able to achieve a greater understanding of the discrimination that has been inherent in city-making in an applied and practical setting.

In reference to the specific content of the *Architectural & Urban Design* course, below are several examples of case studies and detailed articles that can be used to explain how a critical understanding of gender is essential in designing urban structures.

3.2.1 *Planning for gender in residential areas*

Within Belarus, the architectural practices throughout the Soviet era, which appeared to result in neutral, mass-produced blocks of housing, actually created deeply political spaces that continue to embody different values for different genders and social groups. For example, Hirt (2008, 342) notes that, although Soviet developments largely “lacked Western-style suburbs comprising single-family homes... their mass housing districts were poorly supplied with jobs and services”, leading to pervasive spatial inequalities and gender divisions. This also led to a significant “double-burden” for many women, where they were held responsible both for holding down employment and being the primary caretaker of family and household tasks (Hirt 2008, 352).

Writing on the development of suburbs in post-communist Sofia, Hirt (2008) also traces how neoliberal market and housing reforms have “institutionally upheld” gender inequalities by promoting “planning policies favouring suburbanization based on the false premise that suburban forms are gender-neutral (Hirt 2008, 351).

Dymen & Ceccato (2010, 13) point out some unusual ways in which house and apartment design can contribute to safe environments for women. In Vienna, for example, certain planning and architectural practices, such as “designing kitchens with oriels (a bay window which projects from the wall) and inverting... apartments” allow for safer private and public spaces by increasing visibility towards outside areas. On a wider scale, the positioning of police station and doctor’s offices are “integral” within residential areas, as they can “potentially encourage women to report domestic violence, [especially] if these services are organized in a larger scheme against domestic violence” (Dymen & Ceccato 2010, 13).

At the global level, even for women who spend most of their time at home, “[their] daily workload, its use of technology and space, is rarely taken into account in the design of houses, physical infrastructure or residential areas” (Rakodi 1991, 545). Throughout the world, this has the tendency to expose women to living spaces that are “poorly designed and dangerous, with fumes from open wood and charcoal fires which cause damage to eyes and lungs” (Rakodi 1991, 545).

One very important text on this theme is Dolores Hayden’s ‘What would a non-sexist city be like?’ While written in 1980, largely about the suburban American developments that pulled domestic life away from the ‘male workplace’, it still has a lot of relevance today. Drawing examples from variety of urban settings, Hayden shows how ‘A woman’s place is in the home’ has been one of the most important principles of architectural design and urban planning in the United States for the last century” (S170). One important point here is that the distance between a family unit’s home and workplace facilitates a division between ‘male’ work and ‘female’ domestic space, and can even be socially isolating for women.

Women’s Design Service (WDS), based in Islington, UK, has carried out a number of local projects with the aim of empowering local women and better understanding the risks that marginalized communities face in urban environments. While their focus is on gender issues,

their projects often incorporate populations with disabilities and other social disadvantages. In particular, one project working with refugee services (and the local refugee population), showed very positive results. All women participating in the WDS workshops reported that they had left with a greater “knowledge and experience of community safety”, and a large majority indicated that they would “recommend the training to others” (WDS 2008, 4). It is worth noting that this project was also funded by the European Human Rights Commission (EHRC).

Unless planned and constructed carefully, pedestrian walkways like this one in Regina, Canada can end up dimly lit and poorly maintained, as well as unsafe for women and those with disabilities.

From Minsk- Wide boulevards designed for heavy car traffic can pose a risk to crossing pedestrians

3.2.2 Industrial design and the working environment

Beyond meeting basic standards, it is important to consider how industrial designs would expose workers to hazards in the working environment, and whether workers would be given adequate space and access to facilities where they can socialize and relax when off-duty. This is particularly significant in the case of designing a textile factory, which is outlined in the course materials. On this subject, Ho et al (1996) provide an analysis of women's rights in the context of assembly lines and industrial work. The authors note that, in the USA, young women and migrant workers are often crammed into small, filthy working environments where they are subject to abusive conditions. While you may not be able to control labor policy or wage laws, it might be useful in this course to consider and discuss what role the design of a workplace can have on the lives of those who spend time in industrial environments every day. It is important to keep in mind that women and minorities may have fundamentally different experiences of these spaces and be subject to particular risks (such as harassment and sexual assault).

3.2.3 Differing experiences of green spaces and urban landscapes

When designing parks and other types of open public space, it is essential to understand that these places can be experienced and understood in different ways by men and women. Safety is an obvious concern, and some design choices (keeping spaces brightly lit, easily accessible and visible, etc) can make these areas more comfortable for women. Richardson & Mitchell (2010), seeking to understand why women are underrepresented in green space use across the UK, present an excellent analysis and offer a compelling argument that *gender* is a key factor in the individual experience and use of green space/public parks. Below are several key quotes that summarize their findings.

-- *“Women are under-represented in their use of green space, proportionate to their numbers in society... and are less likely to engage in vigorous physical activity than men whilst in green space... Thus we might hypothesise that green space will be more important for men's health than women's. Alternatively, women spend more time in their neighbourhood than men because they are more likely to be supervising children, working part time, conducting domestic work or being primary caregivers... We could therefore hypothesise that the neighbourhood environment (including green space availability) will be more important for women's health.*

-- *“Why did we observe gender differences in the associations between urban green space coverage and cardiovascular and respiratory disease mortality when the men and women in these wards were exposed to the same quantity and quality of green space? One possible explanation is that men and women may experience and utilise urban green space in different ways.”*

-- *“It also seems likely that life stage and family circumstances will impact on the relationship between women and their environment, perhaps rather more than for men. Popham & Mitchell (2006), for example, demonstrated that women's leisure time exercise behaviour was more severely attenuated by having young children than was men's.”*

There are examples of urban planning/design projects that have been largely successful in addressing gender issues. Garcia-Ramon et al (2004, 215) trace how a “particular social and political conjuncture in Spain” led to a “successful remodelling” of the Via Julia in Barcelona. Following a female-focused urban grassroots movement in working-class Nou Barris, urban

planners took great care to include the needs of the community's women in designing new public spaces, squares, and parks. The Via Julia, a nearby "semi-elevated central boulevard with a canopy", forms "the backbone of the entire system of open spaces in the area" (Garcia-Ramon et al 2004, 219). The researchers note that the Via Julia is a uniquely successful example of architecture and urban policy, as an "almost balanced use of the public space by men and women of different age groups in a wide range of activities" was recorded throughout their fieldwork (Garcia-Ramon et al 2004, 221). This shows that similar spaces (such as parks, public squares, shopping centers, public transport stations, etc) can be effectively used by a wide range of demographics if differing needs are considered and the women who are aware of these challenges are involved in the planning/design process.

An underground pedestrian tunnel in Montreal, Canada. Tunnels like these can be particularly unsafe for women to use.

An underground tunnel in Minsk that could pose similar safety concerns.

3.3 Additional Materials:

Universities within Stockholm, and in particular the Royal Institute of Technology (KTH), have a tradition of strongly supporting gender mainstreaming within the fields of architecture, planning, and social policy. One researcher and professor in Stockholm looking into these issues is Helene Frichot, who we met for an interview in regards to this project. Her courses and publications, which can be found at the link below in the footnote to this page, delve into critical theory and question the assumptions of ‘feminism’ as a fixed position of analysis within architecture and the social sciences.

The Stockholm-based FATALE feminist architecture group is the result of a collaboration between researchers at KTH. While they have not directly pursued collective projects since 2012, their website still has a wealth of resources and useful information on past projects. Gendersite is another UK-based online resource that contains a database of case studies on gender and the built environment. Other, more foundational texts on this topic include *Space, the City, and Social Theory* (Fran Tonkiss, 2005), *Feminist Practices* (Lori Brown, 2011), and *Gender Space Architecture* (Jane Rendell et al, 1999). These books offer in-depth discussions that reflect on the history of feminist discourse and include powerful examples of how urban space intersects with gender.

3.4 References for Architectural and Urban Design

Bonnevier, K. (2007) *Behind Straight Curtains: Towards a Queer Feminist Theory of Architecture*. Stockholm: Royal Institute of Technology.

Boym, S. (1994) *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.

- Brown, L. (Ed.). (2011) *Feminist practices: interdisciplinary approaches to women in architecture*. England Ashgate Publishing, Ltd.
- Crane, R. (2007) 'Is There a Quiet Revolution in Women's Travel? Revisiting the Gender Gap in Commuting'. *Journal of the American Planning Association* 73(3), 298-316.
- Dymén, C., & Ceccato, V. (2012) 'An international perspective of the gender dimension in planning for urban safety'. Pp. 311-339 in: V. Ceccato (Ed.), *Urban fabric of crime and fear*. Springer Science.
- Fainstein, S. & Servon, L. (2005) 'The Intersection of Gender and Planning'. Pp. 1-15 in: *Gender and Planning: A Reader*. Servon, L. & Fainstein, S. (eds). USA: Rutgers University.
- Garcia-Ramon, M. D., Ortiz, A., & Prats, M. (2004) 'Urban planning, gender and the use of public space in a peripheral neighbourhood of Barcelona'. *Cities* 21(3), 215-223
- Greed, C. (2008) 'Are We There Yet? Women and Transport Revisited'. Pp. 243-256 in: *Gendered Mobilities*. Cresswell, T. & Uteng, T. (eds). England: Ashgate.
- Ho, L., Powell, C., & Volpp, L. (1996) '(Dis) assembling rights of women workers along the global assembly line: Human rights and the garment industry'. *Harv. C.R.-C.L. L. Rev.* 31, 383.
- Hayden, D. (1980) 'What would a non-sexist city be like? Speculations on housing, urban design, and human work.' *Signs*, 5(3), S170-S187.
- Hirt, S. A. (2008) 'Stuck in the suburbs? Gendered perspectives on living at the edge of the post-communist city'. *Cities*, 25(6), 340-354.
- Imrie, R. (1998) 'Oppression, disability and access in the built environment'. Pp. 129-146 in: *The Disability Reader: Social Science Perspectives*. Shakespeare, T. (ed). Continuum International Publishing Group: London.
- Krizek, K. J., Johnson, P. J., & Tilahun, N. (2005) 'Gender differences in bicycling behavior and facility preferences'. *Research on Women's Issues in Transportation* 2, 31-40.
- Miller, C. and Albert, B. (2005) 'Mainstreaming disability in development: Lessons from gender mainstreaming'. Available at: <<http://www.disabilitykar.net/docs/gender.doc>>.
- Rakodi, C. (1991) 'Cities and people: Towards a gender-aware urban planning process?'. *Public Administration and Development*, 11(6), 541-559.
- Rendell, J., Penner, B., & Borden, I. (Eds.) (2000) *Gender space architecture: An interdisciplinary introduction*. USA: Psychology Press.
- Richardson, E. A., & Mitchell, R. (2010) 'Gender differences in relationships between urban green space and health in the United Kingdom'. *Social Science & Medicine*, 71(3), 568-575.

Tonkiss, F. (2005) *Space, the city and social theory: Social relations and urban forms*. Cambridge: Polity.

United Nations (1996) *An Urbanizing World: Global Report on Human Settlements*. UN-HABITAT. Available at: <<http://mirror.unhabitat.org/pmss/listItemDetails.aspx?publicationID=1650&AspxAutoDetectCookieSupport=1>>.

Women's Design Service (WDS) (2008) 'Making Safer Places and Promoting Good Relations in Islington'. Available at: <<http://www.wds.org.uk/www/download%20documents/PGR%20leaflets/EHRC%20PGR%20project%20report%20website%20vn.pdf>>.

4. SOCIAL FOUNDATIONS OF ARCHITECTURE

4.1 Theoretical Introduction & Relevant Issues:

Decisions concerning land use, urban development and mobility have traditionally been made by groups and individuals who enjoy a privileged socioeconomic status. From an urban planning perspective, the location of socioeconomically marginalized groups can be considered in relation to issues of accessibility and infrastructure, the availability of quality green and public spaces and the location of activities with negative impacts on human health and the environment (Young, 1990; Sandercock, 2003). Urban planners, policy makers and politicians may be blind to their own advantages, which can result in a narrative about the ideas and actions of "white middle-class men, since women and people of color were, at least until recently, systematically excluded from the profession..." (Sandercock, 1998b). This may leave those in positions of power unwilling to locate activities with negative externalities in neighbourhoods where they would consider living or simply take advantage of the limited influence and understanding marginalized groups have of decision-making processes concerning these issues (Forrester, 1989; Young, 1990; Sandercock, 1998a). Regardless, socioeconomically disadvantaged neighbourhoods and communities have traditionally received less investment in quality green and public space, more large-scale disruptive developments and more large scale activities with negative externalities, such as heavily polluting factories.

A focus on social and income diversity, the antithesis of gentrification, is prompted by the ongoing, and in many cases growing, problem of spatial segregation. This segregation results from a range of factors, one of the most important of which is the high cost of housing in inner city locations, something that is becoming evident in Minsk. In the context of increased inner city housing costs, resulting in part due to neo-liberalization, segregation occurs along economic lines (Stahre, 2004). While perhaps not entirely relevant to Belarusian cities, from a European perspective; given the fact that many of those earning low incomes have a foreign background, ethnic and income segregation are often significantly correlated. The promotion of social and income diversity has less to do with the achievement of some sort of utopic goal for equality, and more to do with ensuring the continued functionality of our cities. The threat posed by segregation has been very well illustrated in France. In 2005, civil unrest exploded in many of the most socially and economically segregated neighbourhoods, beginning in Paris, prior to spreading to similar neighbourhoods in cities across the country. The unrest shook French society and caused an estimated €200 million in damage, along with an untold number of injuries (Canet et al., 2009).

The social foundations of architecture, and the sometimes violent eruptions that occur in our cities, share an important connection concerning how citizens, residents and the public (terms that mean different things in different settings) take part in decision-making processes. Although public participation in urban decision-making can be traced back to Ancient Greece, with Plato as a proponent, and contemporary application in urbanism arguably stretching back Saul Alinsky's work in organizing Chicago's Back of the Yards neighbourhood in the 1930s (Horwitt, 1989), the participatory planning model did not achieve any degree of significant literary or theoretical recognition until the 1960s. In this era of burgeoning social activism, *The Death and Life of Great American Cities*, by Jane Jacobs, was released in 1961. This straightforward work served as a challenge to the modernist planning paradigm and the experts in ivory towers who espoused it, arguing in favour of a local understanding of planning and redevelopment issues that could only be achieved through citizen involvement and community empowerment. Based on personal accounts and experiences rather than generalized theories, the book served to illustrate the importance of context in planning, a concept that has become increasingly popular in recent years (Fainstein, 1997; Sandercock, 1998; Bradley, 2009). Employing a frank and pragmatic analytical lens, Jacobs, who had no formal training in the field of urban planning, exposed a system that had left an urban legacy of low-density development, along with functional and spatial segregation.

This early argument in favour of genuine participatory planning was followed by the prominent work of Paul Davidoff, who successfully championed racially integrated low income housing in predominantly white suburbs, an effort that was encapsulated in his essay, *Advocacy and Pluralism in Planning* (1965). The argument for greater citizen involvement in the planning process was further augmented by *A Ladder of Citizen Participation*, by Sherry Arnstein, in 1969. In reaction to what she saw as an "empty and frustrating process for the powerless", Arnstein (1969) sought to establish a scale that could be used to evaluate the true degree of citizen participation that existed in the planning processes of cities across the United States.

By becoming aware of these important issues for the social foundations of architecture from a theoretical standpoint, students can then identify sites or locations in their cities where such phenomena are evident. These efforts provide an important basis to consider and analyze how urban planning and related city-making policy has had a particularly detrimental impact on specific communities and groups in Minsk and other Belarusian cities which already faced broader societal marginalization.

4.2 Teaching Methods & Examples:

The social influences that influence architecture can be subtle and difficult to identify in some cases. However, by applying a critical lens to the cities around them, students can become more aware of these elements and in doing so, develop a greater understanding of how our cities are shaped, and how they can contribute the craft of city-making. To recognize how sites, spaces and places are influenced by a broader social context and designed in ways that are frequently informed by the norms and ideals of dominant groups, students can make independent excursions into the city and identify specific locations within their city that they feel may have such characteristics. By taking photographs and writing a short analysis of how a specific sites, detailed in the activities below, the students are able to achieve a greater understanding of processes that has been inherent in city-making in an applied and practical setting. In this section, there is an emphasis on gentrification, just spatial participation and planning, and an emphasis on the meaning, use and ownership of public space.

4.2.1 Gentrification

Gentrification is defined as “the creation of affluent space” in locations that have traditionally been poor, working-class, or marginalized in some way (Doucet et al 2011, 1438). Most often, this takes the form of new, wealthy residents moving into an ‘undervalued’ district and pushing up property prices, usually pushing out former residents in the process. While this process is problematic and deeply controversial, gentrification is often indirectly encouraged as a ‘development strategy’ for regenerating poor or stigmatized urban districts. Rerat & Lees (2011, 126) note that gentrification is now “sold” to many European planners as a “sustainable urban form” that can bring wealthy young workers, investors, and businessmen into declining areas. However, residents who are forced to move due to rising costs of living often find themselves further out on the margins of urban areas, sometimes living in worse conditions or lacking connections with a wider community.

Gentrification is an important point where human rights intersect with urban growth, architecture, and spatial policies. Doucet et al (2011) explore how gentrification has altered the urban forms of Rotterdam and Glasgow, both cities that have undergone extensive ‘regeneration’ projects that have liberalized housing markets and pursued gentrification as a means to drive economic growth. Even when there are positive economic consequences, however, “the negatives of class conflict, tensions, and displacement are not visible”, and growth in one region can obscure poverty in another (Doucet et al 2011, 1451). There is a drive for growth and *wealth creation* in lieu of *wealth redistribution*, meaning that “more pressing urban economic and social problems of unemployment, affordable housing, or sustainable jobs” remain unaddressed or even exacerbated by gentrification processes (Doucet et al 2011, 1452). Indeed, this has been the case in Glasgow and Rotterdam, both cities still plagued by dramatic inequalities and displaced populations facing poverty and widespread unemployment. This has consequences for the rights of those economically excluded from the city space, as they have increased difficulty accessing transport, employment opportunities, safe environments, and sustainable housing structures.

In Stockholm, Stahre (2004; 71) has identified a longstanding geographical pattern of residence based on “ethnic and class lines” in Stockholm, that has proven difficult to change and is in fact increasing. He notes that Stockholm’s urban structure is undergoing a transformation whereby, “the upper levels of society are taking over the central parts of the city.” (Stahre, 2004; 71). This has created a situation in which individuals with low incomes have difficulty in finding suitable housing in large portions of the inner-city (Stahre, 2004; 71). This is particularly evident among immigrants; where the highest concentrations of persons with foreign backgrounds in the City of Stockholm are found in the suburban districts.

In central Minsk, housing prices have increased in the wake of greater opportunity for private investment. While private ownership is still heavily regulated, Belarus’s expanding housing market has begun to show indications of privatization. An increasing focus on developing ‘microdistricts’ (essentially suburbs and dense pockets of housing), has contributed to the expansion or sprawl of Minsk. As with many cities around the world, the increased distances can be a challenge for the provision of services including those recognized as human rights by the UN (UN, 1948), such as medical care and some social services. As a result of capitalist dynamics that are transforming the uses of the urban environment in Minsk, there appears to be a shift in the use of public spaces, towards greater intensity in suburban areas.

Delving further into the microdistricts, they also appear to reinforce certain gender norms. Anna Kravec's thesis (2014) provides a brief overview of the different phases of Belarusian architecture, and gives recommendations for the redevelopment and expansion of the Kopische district. Her suggestions include a more coherent focus on green space (including interconnected green areas), the development of more cycling paths, and more customizable, various housing types. While these are certainly positive suggestions, it must be noted that effective design for green space and bike paths must take into account that these facilities are utilized differently by men and women. Krizek et al (2012), using data and fieldwork from the United States, show that the cycling patterns of men and women often differ significantly depending on how bike paths are designed and maintained. More specifically, women "demonstrate a stronger preference for safer forms of cycling infrastructure... [including] lighting paths and paved shoulders" (Krizek et al 2012). Men and women perceive risks (and face risks) differently, and research suggests that residential bike paths face different patterns of use for men and women depending on their construction and maintenance. Krizek et al. also suggest that women have higher rates of suburban leisure travel (such as biking and walking), indicating that their interests are particularly important to consider when designing paths and transit areas within neighborhoods.

Gentrification- This luxury building in Toronto has pushed up housing prices in the vicinity.

Activity

Discuss the neighbourhoods where the students live and/or grew up. How long have they lived there? What changes have they noticed during that time? What do the students consider as indications of gentrification?

4.2.2. Just Spatial Planning and Participation

The release of Iris Young's *Justice and the Politics of Difference* in 1990 served as a critique to the uniform notion of distributional justice, by seeking to identify the underlying causes for inequitable distribution (Young, 1990). As valuable contribution to the social aspects of spatial planning, including the location of negative activities in certain neighbourhoods and gentrification, Young sought to broaden the limited scope for exclusion, established in Henri Lefebvre's *The Right to the City*. Lefebvre was concerned with citizens having the right to be included in decision making processes, along with the rights to urban life, to the "ludic city" and to places of socialization (Sandercock, 2000). In going beyond this, Young considered a range of differences beyond political and class based exclusion (Sandercock, 2000). She argued that the traditional concept of distributional justice was too focused on the system for distribution, to the point that the social context in which such events took place was ignored (Schlosberg, 2007). This social context could include input on decisions concerning urban development, access to quality public space or mobility planning, where the elderly, children, women and minorities often have more limited opportunities for influence. This can apply to decisions about funding the creation or renewal of a park or inversely, the location of new industry or waste disposal facilities.

In response to this inequality, she argued that social justice "requires not the melting away of differences, but institutions that promote reproduction of, and respect for, group differences without oppression." (Young, 1990). Young asserts that while an awareness of distribution is vital to achieving social justice, injustice does not result solely from unequal distribution, but a range of factors (Schlosberg, 2007). Just as many marginalized communities are often overlooked in dominant narratives, problems at the urban and human scale may not always be evident from the perspective of dominant groups. To mitigate this a critical perspective and an effort to understand the city from a different position on the spectrum of distributional justice can assist students in rethinking their cities and spaces.

Finally, Young was wary of the lack of recognition placed on "group difference" and argued that distributional disparity resulted from "social structures, cultural beliefs and institutional contexts" (Schlosberg, 2007), thereby promoting the consideration of social and income disparity. Here, it is important to underline that migrants, children, women and other groups face challenges concerning the distribution of planning and architectural knowledge and resources to a disproportionate degree. Young recognized that equitable distribution was a challenge to social justice, but beyond that, a model of justice must concentrate on the elimination of institutionalized oppression and domination, specifically considering those for whom "difference" was a continuing source of inequality (Schlosberg, 2007). These challenges remain evident in the built environments, mobility opportunities and access to services in many cities across Europe.

Activity

1. Identify a site that produces positive externalities (park, public space, high street). What sort of people use the area? What socioeconomic positions do these people and groups occupy?
2. Identify a site that produces negative externalities (power plant, prison, garbage dump). Are there any residents or businesses near the site? What sort of socioeconomic position do these people and groups occupy?

4.2.3 How are spaces designed and used? Who uses them?

The simple way that people use and interact in public spaces has a relevant position in the social foundations of architecture. William H. Whyte's *The Social Life of Small Urban Spaces* (1980) provides a thorough example of how people use social spaces, but even more importantly, how to study people in public spaces. Building on this, Whyte's student Fred Kent started Project for Public Spaces, which offers considerable resources on the design and use of public spaces, as well as a series of measures for evaluating public space. Finally, Jan Gehl's *Life Between Buildings* (1987), *Cities for People* (2010), *The Human Scale* (2013) and *How to Study Public Life* (2014) have a central focus on desirable characteristics for encouraging people to use public space, challenges to its use and a deeper description of how to study human behaviour in social urban environments. Finally, connecting space with gender, Löw (2006) argues that "Gender and space alike are a provisional result of an – invariably temporal – process of attribution and arrangement that both forms and reproduces structures."

From the micro scale of a single public space, to the macro scale of the city-region, having a right to the city means more than simply being allowed to access it. Rather, it includes good accessibility, regardless of age or handicap; it includes a sense of security while enjoying the city; and it includes the capacity to share your story of the city and to see it reflected back in the narrative(s) promoted by the city. As Henri Lefebvre (1968) argued, "The right to the city is far more than the individual liberty to access urban resources: it is a right to change ourselves by changing the city. It is, moreover, a common rather than an individual right since this transformation inevitably depends upon the exercise of a collective power to reshape the processes of urbanization. The freedom to make and remake our cities and ourselves is, I want to argue, one of the most precious yet most neglected of our human rights." This assertion underlines the many ways urban residents may feel included or excluded from the city and urban life and that this right is influenced and applicable at a diversity of scales.

In recent years, discussions about the use and appropriation of civic space have included possibilities for temporary use. Regarding urbanism and architecture, a range of activities have developed. This includes many sanctioned "Open Streets" activities, where streets are closed to cars and opened to all human activity, a practice popularized in Bogota, Colombia and has now spread around the globe. There are also grassroots initiatives such as Better Block and Neighborland, which involved local residents making small interventions in their neighbourhoods, often in violation of existing bylaws, but for the improvement of their neighbourhoods. Beyond these examples, a diversity of efforts ranging from artistic to commercial to civic, have (literally) popped-up in cities across Europe and around the world.

Alternatively, protest efforts, including the Occupy and Arab Spring movements, as well as Euromaidan, appropriated public spaces with an effort to confront authorities, both political

and economic. The re-imagination of uses for the spaces where these demonstrations centred illustrates how norms of use for dominant or power groups can be temporarily inversed. A notable example of civil disobedience, Bulgarian street artists had repeatedly painted the Monument to the Soviet Army in Sofia. The monument has been painted repeatedly, with both serious and more humorous messages (BBC, 2014).

Activity

Select a public space in your city. Analyse the site's design. What activities are encouraged in this space? Which are discouraged? Who is using the space?

Theory in Practice: Redfern

The importance of communication, flexibility and the interactions between residents and officials in the architectural/planning process is underlined in a case (Sandercock, 2000a; 159-166) that concerns a cross-cultural conflict in the inner city neighbourhood of Redfern, in Sydney, Australia. This neighbourhood included a residential area known as The Block, which had developed as an Australian government initiative to grant Aboriginal people urban land rights. The area had fallen into poor condition and had become a centre for drug use and dealing. A factory site directly next to The Block was slated for demolition and the local council sought rush through plans to build a park and police station, with the support of a conservative group of white residents. This action was met with opposition from the local Aboriginal population, and another group of white residents known as the Redfern Residents for Reconciliation (RRR) who were committed to the racial diversity of the area.

In response to the opposition, the council withdrew its plans and hired a social planning consultant to perform a consultation process amongst area residents that would result in recommendations for a master plan. Initial knowledge gathering led the consultant to believe that the hostility that existed was so intense that any efforts at a meeting with all three factions would end in failure. Further, she recognized that the creation of any models or sketches for the area would worsen relations and limit the possible outcomes for the project. As such, she worked to build a discourse of trust with each of the factions prior to inviting the parties together for a "speak-out" in which all of the concerned stakeholders were given the opportunity to air their grievances, "no matter how hurtful to the other parties." It is also worth noting that at the time of the speak-out, no alternative plans for the site had been discussed. As such, it was only after months of communication whereby each of the parties was given an equal opportunity to discuss their hopes and concerns, that "the creation of a safe space in which parties could meet and speak without fear of being dismissed, attacked, or humiliated." could be achieved (Sandercock, 2000a; 161). The speak-out led to nine months of further discussion, during which a compromise was established. The conservative group of white residents acquiesced, accepting that the site be home to some Aboriginal training facilities. Thus, after months of discussion, whereby all of the concerned parties were able to air their grievances together and a common dialogue was established, a compromise was achieved. While the area faces ongoing challenges, this effort was seen as a great step forward in promoting ethnic diversity and understanding in a country where this has often been an enormous challenge.

Theory in Practice: East St. Louis

East St. Louis (Sandercock, 2000a; 166-172; Forester, 2000; 119-124) offers a good example of how including and empowering an urban community in the planning process can serve to enhance community access to funding, which subsequently led to increased local incomes and improved standards of living. Beginning in the 1960's, the city was hit particularly hard by the deindustrialization that swept across the industrial cities of the United States. It was experiencing population decline, a decline in small businesses, high unemployment and a shrinking tax base. By 1991, the city's financial situation had become so dire that it had been unable to conduct trash pick-up for six years, and unable to pay a court-mandated settlement to someone injured in a local jail, was forced to hand over the deed to the city hall and 250 acres of waterfront property to the injured party.

Shortly thereafter, the East St. Louis Action Research Project (ESLARP), a community-university partnership was implemented involving the University of Illinois at Urbana-Champaign (UIUC). The program initially faltered; however a leadership change in the university program led to the development of a positive relationship between the university and the community. Ken Reardon, the new university liaison with the community described the initial role, whereby "Part of it is working through that initial scepticism people have." (Forester, 2000; 122). To counter this, an empowerment approach which incorporated the "principles and methods of participatory action research, direct action organization and education for critical consciousness" was adopted (Sandercock, 2000a; 167). As relations improved, efforts to encourage locally initiated development increased. In this process, community leaders were given the opportunity to realize their visions, something that led to more members of the community taking increasingly active roles in the project. The project began in 1990 with a humble mandate; the transformation of a vacant lot into a playground, funded entirely through independent contributions. By 2000 the partnership had, as Sandercock (2000a; 171) eloquently states, "produced plans that led to more than \$45 million in new public and private investment in this once devastated neighbourhood that only a decade earlier could not raise a thousand dollars of outside assistance for its playground." Over this decade, a process of learning, negotiation and, most importantly, empowerment took place, leading to the renewal of a once blighted area. In this case, planners served to assist area residents, almost exclusively minorities, in reclaiming ownership and a sense of pride, in their neighbourhood, thereby helping to improve living conditions and renewing opportunities for local business growth and employment. This is, as Lefarbve would term it, an excellent example of how the 'right to the city' can be reclaimed by residents within an attentive, proactive planning process.

4.3 *Additional Materials:*

The Architecture in Effect website¹ is a great resource that includes a list of interesting, up-to-date projects and pieces of research being carried out by academics, architects, and policymakers around Sweden. All of these projects explore some aspect of human/social interaction with the built environment. Notable examples include Bojan Boric's fieldwork on the changing politics of architecture in Chisneau, Maria Ärlemo's writing on the 'neoliberal' and individualistic logic of new urban design in Sweden, and Sepideh Karami's piece on cities as spaces of segregation and social resistance.

Concerning theories of public participation and engagement, the communicative action model has been heavily influenced by Habermas' work on communicative rationality, most notably his leading 1984 book *The Theory of Communicative Action Volume 1: Reason and Rationalism in Society*. This planning theory, grounded in Habermas' discourse ethics and the concept of communicative rationality as a normative principle, was subsequently used to assess and critique existing interactive practices (Healey, 2003b).

Within communicative rationality, planning theorists have identified the Habermasian notion of the ideal speech situation, where domination is not present in any manner, giving all of the stakeholders equal opportunity to develop and promote their arguments, and crucially, equal possibilities that their arguments will be accepted on the basis of their validity (Sager, 1994). Accordingly, Habermas argues that interpersonal communicative actions include the "normative judgement" that relations occur in ways that seek "comprehensibility, sincerity, legitimacy and truth." (Healey, 2003a) In aiming to promote equal opportunities for all stakeholders, the communicative action model seeks to ensure that those who have been traditionally ignored, primarily minorities and those with low incomes, have the same possibilities to make their voices heard in the process as more powerful interests, thereby helping to promote social justice.

While the communicative action planning model has developed primarily out of the work of a handful of theorists, the development of the just city can be attributed to a number of thinkers. The just city model, and the more broad environmental justice movement, find their roots in Plato's work, particularly his exploration of justice and governance in *The Republic*. More recently, and more pertinent to the contemporary situation, the field has been inspired by John Rawls' influential 1971 book, *A Theory of Justice*. In this work, Rawls defines justice as "a standard whereby the distributive aspects of the basic structure of society are to be assessed", which Rawls argues, means that justice can be described as "the appropriate division of social advantages" (Rawls, 1971). In developing his theory on justice, Rawls is concerned with identifying the manner in which a "right" theory of justice can be formed. This, he argues, is only possible by adopting a hypothetical "original position" whereby the practitioner adopts a "veil of ignorance" where they have no concept of their own strengths and weaknesses, thus creating an impartial position (Rawls, 1971). From this basis, distributive justice, a central tenet of the environmental justice movement, can be defined. Here, justice is argued to ensure that all members of a society have the same political rights and that the distribution of economic and social inequality should serve to benefit everyone, including those who are least well off, thus equating justice with just distribution (Schlosberg, 2007).

---

1 <http://architectureineffect.se/index.php>

Building on this work, urban sociologist Robert Bullard sought to define the environmental justice movement, with a focus on race, colour, ethnicity and class; and to which Dorceta Taylor added gender (Bradley, 2009). Further, he concentrated on the current environments of people, which, given that more than half the world's population now lives in an urban environment (UN Habitat, 2009), suggests he had a decidedly urban focus (Bradley, 2009). He succinctly defined the environmental justice movement as:

“Environmental philosophy and decision making has often failed to address the justice question of who gets help and who does not; who can afford help and who cannot; [...] why industry poisons some communities and not others; why some contaminated communities get cleaned up but others do not; and why some communities are protected and others are not protected. [...] The grassroots environmental justice movement [...] seeks to strip away the ideological blinders that overlook racism and class exploitation in environmental decision making.”

(Bullard, 1993; 206 referred to in Bradley, 2009; 53)

In preparing for student on-site analysis, the work of Sánchez de Madariaga and Roberts (2013), Jaeckel and van Deldermalsen (2006) and Servon (2005), along with the well-known design and human scale work of Gehl (1987, 2010), provides a clear basis to pursue these perspectives. In confronting these challenges, the students will be able add depth and a valuable dimension to their design capacity. Full citations for these pieces can be found in the reference list.

4.4 References for Social Foundations of Architecture

Arnstein, Sherry. (1969) A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Planning Association*: 35.4, p. 216-224.

BBC (2014). *Bulgaria Soviet Monument in Sofia gets Ukraine Twist*. February 25th, 2014. Available at: <http://www.bbc.com/news/world-europe-26346901>

Boym, S. (1994) *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.

Canet, Raphael, Laurent Pech and Maura Stewart (2009) Frances Burning Issue: Understanding the Urban Riots of November 2005. *Riot: Resistance and Rebellion in Britain and France. 1381 to Present* (B. Bowden and M. David, eds.). London: Palgraves.

Dalsgaard, Andreas (Director) (2013) *The Human Scale*. Producer: Gehl, Jan.

Doucet, B., van Kempen, R., & van Weesep, J. (2011) ‘We’re a rich city with poor people’: municipal strategies of new-build gentrification in Rotterdam and Glasgow. *Environment and Planning-Part A*, 43(6), 1438-1454.

Rérat, P., & Lees, L. (2011) Spatial capital, gentrification and mobility: evidence from Swiss core cities. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 36(1), 126-142.

- Forester, John. (1989) *Planning in the Face of Power*. Los Angeles, Ca: University of California Press.
- Gehl, Jan. (1987) *Life Between Buildings*. Washington: Island Press.
- Gehl, Jan. (2010) *Cities for People*. Washington: Island Press
- Gehl, Jan and Birgitte Svarre. (2014) *How to Study Public Life*. Washington, DC: Island Press.
- Harvey, D (2008), The Right to the City, *New Left Review*, 53, September October, pp. 23-40.
- Horwitt, Sanford D. (1989) *Let Them Call Me Rebel: Saul Alinsky – His Life and Legacy*. New York City: Knopf Doubleday Publishing.
- Jacobs, Jane. (1961) *The Death and Life of Great American Cities*. New York City: Random House.
- Jaeckel, M and M van Deldermalsen. (2006) Gender Equality and Urban Development: Building Better Communities for All. *Global Urban Development: 2.1*.
- Kravec, A. (2014) 'Mass Customization: A New Approach in Sustainable Residential Development'. Uppsala, Sweden. Master degree project. Available at: <http://issuu.com/anna-kravec/docs/anna_kravec_booklet>.
- Krizek, K. J., Johnson, P. J., & Tilahun, N. (2005) 'Gender differences in bicycling behavior and facility preferences'. *Research on Women's Issues in Transportation 2*, 31-40.
- Moore, Cerwyn. (2010) Ambivalent Architectures: Violence in Public Places. *Borderlands*. 9.2.
- Neighborland: <https://neighborland.com/>.
- Open Streets Project: <http://openstreetsproject.org/>
- Project for Public Spaces: <http://www.pps.org/>
- Rebel Architecture* (Television Series). (2014) Al Jazeera. Available online at: https://www.youtube.com/results?search_query=rebel+architecture
- Sánchez de Madariaga, Inés and Marion Roberts (eds). (2013) *Fair Shared Cities: The Impact of Gender Planning in Europe*. Surrey: Ashgate.
- Sandercock, Leonie. (1998a) *Towards Cosmopolis: Planning for Multicultural Cities*. London: John Wiley.
- Sandercock, L. (1998b) Framing insurgent historiographies for planning, in: L. Sandercock (Ed.), *Making the Invisible Visible: A Multicultural Planning History*, pp. 2–33. (Berkeley Los Angeles, CA: University of California Press).

- Sandercock, Leonie (2000) *Cities of (In)Difference and the Challenge for Planning*. DISP 140, p. 7-15.
- Sandercock, Leonie (2003) *Cosmopolis II: Mongrel Cities*. New York: Continuum
- Servon, Lisa (2005) *Gender and Planning*. New Jersey: Rutgers University Press.
- Stahre, Ulf. (2004) City in Change: Globalization, Local Politics and Urban Movements in Contemporary Stockholm. *International Journal of Urban and Regional Research*: 28.1, p. 68-85.
- Whyte, William H. (1980) *The Social Life of Small Urban Spaces*. Ann Arbor: Edwards Brothers, Inc.